

Рисунок Фреда Элме

ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ, УКРЕПЛЯЮЩИМ ТЕХНИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ МОЩЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР!
Из лозунгов Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) к 1 мая 1936 г.

ПРАЗДНИК БОРЬБЫ И ПОБЕД

Счастливым народом счастливой страны празднует сегодня день Первого мая — праздник международной солидарности трудящихся. Первое мая — день боевой переклички пролетариев всех наций, день смелого ослепительного капиталистического мира. Лучшие боевые традиции мирового революционного движения находят свое выражение в этом празднике, могучее и грозное дыхание пролетарской революции колыхает красные полотнища первомайских знамен.

Сегодня за рубежами нашей страны многомиллионная армия пролетариев выйдет на улицы капиталистических городов, возглавляя колонны единого фронта борьбы с войной и фашизмом, демонстрируя преданность великим и действенным лозунгам Коммунистического Интернационала. Могучую поступь этой армии не остановит ни свирепый террор фашистских палачей, ни аресты, ни пытки, ни тайные убийства революционеров. Ни не спомнит боевой энергии и революционной ярости масс, ведущих историческую борьбу за счастье человечества.

В этот день мысли всего трудового человечества будут обращены к нашей стране, где воплощены в жизнь мечты бесчисленных поколений революционеров, где социалистический строй победил окончательно и бесповоротно. Как могучий прекрасный маяк высится наша страна над мраком капиталистической ночи, указывая путь освобождения трудящихся всего мира. На улицах Парижа и Шанхая, Чинкьо и Варшавы прозвучат сегодня восторженные клики любви к нашей великой родине, имя СССР с надеждой и вдохновением прозвучат бесчисленные унии капитализма, томлящиеся в концентрационных лагерях Германии, в застенках японской полиции, в каторжных тюрьмах капитализма. Бойцы китайской Красной армии и немецкие коммунисты-подпольщики, революционные орлы Астурии и героические польские текстильщики — все они сольются сегодня своей радостью с радостью рабочих и колхозников Советского Союза, празднующих замечательные победы социалистического строительства. Великая пролетарская революция в СССР, утвердившая социалистический строй на шестой части земного шара, — иррадирующая часть мировой революции, и поэтому празднество наше проникнуто духом подлинного пролетарского интернационализма. Имя Эриста Тельмана, Матиаса Рауши, Антикьяна; имена героев революционной борьбы за рубежом написаны на всех первомайских знаменах страны.

Счастливым народом социалистической страны, рабочие и колхозники, раскрепощенные женщины, великодушная наша молодежь, наша могучая Красная армия — выйдут сегодня на празднично украшенные улицы городов и сел и по всей необоримой стране, от края до края, расплескают радость нашего праздника — праздника победителей. Первое мая стахановского года Советская страна встречает в условиях невиданного влета творческой энергии масс, в условиях успешного развертывания борьбы за новую социалистическую производительность труда. Люди заводов и шахт, колхозов и совхозов, аулов и школ приходят на первомайскую демонстрацию с показателями своих успехов в производстве и учебе. Ломят консервизм и саботаж, опрыскивая злобное сопротивление последней разбитых в открытом бою

эксплуататоров, люди Советской страны победоносно борются за полное и восторженное овладение техникой, за выполнение и перевыполнение планов социалистического хозяйства. Гордость и цвет страны, новые люди социалистического общества — стхановцы — показывают всему миру, какие огромные силы, какие неисчерпаемые родники талантов, воли и революционной энергии, тающиеся в народных массах, раскрывает социалистический строй.

Расцвет советской демократии, замечательный культурный подъем масс, изо дня в день растущий уровень материального благосостояния рабочих, колхозников, учителей, врачей, всех трудящихся — вот что, наряду с замечательными победами социалистического хозяйства, делает наш первомайский праздник радостным, бодрым, счастливым всенародным торжеством. Гром наших оркестров, звуки наших песен, голоса нашей братской любви и трудящихся всего мира, стальной кликот наших боевых самолетов, тажкий грохот наших танков на первомайских парадах — прозвучат далеко за пределами нашей страны.

Там, за этими рубежами, где борются миллионы друзей великой социалистической державы, господствуют еще непримиримые и жестокие враги социализма. Фашистские псы капитализма, чью власть упорно и успешно подкапывают успехи мирового революционного движения, готовят новые крокропитные войны, в первую очередь войну против Советского Союза. Кровавые выродки капитализма, оголенные и заплывшие враги трудящихся открыто говорят о нападении на нашу страну, мечта превратить миллионы свободных строителей социализма в колониальных рабов. Советская страна, ведущая неустанно политику мира, спокойно смотрит на гнусную воюющую поджигателей войны, бешено вооружающихся за счет ограбления трудящихся масс. Великая советская держава не боится никаких угроз; она готова ответить громовым ударом на удар врага. Поэтому с таким восторгом приветствует советский народ свою могучую Красную армию, ее бойцов и командиров. И в день 1 мая, в день принятия молодыми бойцами торжественного обещания преданно и бесстрашно служить делу обороны своей родины, вся страна с любовью и восхищением вспоминает героев-дальневосточников, показавших наголову врагу крепость наших границ, отвагу наших бойцов, мощь наших вооруженных сил. Пусть учтут этот опыт кровавые псы фашизма.

Чувство величайшей, самоотверженной и преданной любви и социалистической родины объединяет миллионные колонны трудящихся, демонстрирующих сегодня под боевыми лозунгами ЦК ВКП(б).

Это могучее чувство воплут миллионы человеческих сердец всякий раз, когда произнесено в речах и песнях, написанное на знаменах и плакатах, возникает над боевыми колоннами демонстрантов имя того, кто ведет великую коммунистическую партию, весь народ Советской страны от победы к победе. Имя великого вождя трудового человечества товарища Сталина звучит сегодня во всем мире, как призыв к борьбе и победам, объединяя всемирную, великую армию труда, вдохновляя историческую борьбу и работу миллионов.

Галантион Табидзе 1 мая

Лучезарный полдень перед нами
Синие ворота распахнул,
И весна зелеными шляпками
Предо мной берет на-караул.

Многократно шел, победоносен,
По Советскому союзу май,
И пронес немало ярких весен
По стране побед, из края в край.

И звучит, как прежде, новым маем
Передача на большой волне:
— Мы желаем мира! Мы желаем
Завершить социализм вполне!

Все, кто строит нынче это здание —
Мужественный праздничный наш мир,
Что вступить желает в союзы
Дружеских резцов, пил и кир,

Музыкант, поэт и живописец,
Все, кто в звуки с красками влюблен,
Дайте руки мне — и торопитесь
В сень коммунистических знамен!

Перевел с грузинского БОРИС БРИК

А. Сурков Так будет

Грозным предвестьем близкой борьбы
Походка труда дорога и знамя,
В серебряном горле военной трубы
Созрели высокие ноты тревоги.

Так будет: копьями конниц пыля,
Нагрянет нахрапом военная проза,
Готовые к радостной жатве поля
Накроет зловещая тень бомбовоза.

Но раньше, чем в небо влетит воронья,
Заворы винтовок прыстнут к ладоням,
Подает Ворошилов команду: — В ружье!
Буденный ответит командой: — По коням!

Мы — люди работы... Любому из нас
Походка труда дорога и знамя,
Готовы ли мы в назначенный час
Подняться в поход по приказу наркома?

За тех, кто в семнадцатом, встречу войны
Бестрепетно бросил веску человечью,
Вождем своему и родимой стране
Я песней-присягой сегодня отвечу.

Ровестники века, мы вместе, друзья,
Отчислены были в запас после боя,
Но сердце мое и песня моя
Не вышли из красноармейского строя.

Мы дружные походной поныне верны,
Она не сползет до последнего часа
В сердцах боевых командармов страны,
В сердцах незаметных армейцев запаса.

Военной угрозы удрученный дым
Не скроет от взгляда походное знамя,
Мы в грозное завтра спокойно глядим:
И время за нас, и победа за нами.

СМОТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Афишные столбы в Ленинграде заклеены необычными афишами. В театре Мюзик-холла — смотр искусства народов СССР, в Филармонии — концерт детского творчества; в театре Музыкальной — вечер краснофлотской самодеятельности, в Консерватории — художественную самодеятельность показывают профессора. Все новое и новое афиши покрывают столбы.

Прологом к этому параду народных дарований был первый вечер национальной художественной самодеятельности. В нем участвовали двадцать семь национальностей.

Среди цыган-лудильщиков, исполнявших забавные песни и пляски, среди хоров астонов и лагмашей и китайских колхозников-огородников, показавших революционную пьесу в постановке своего самодеятельного театра, сохранившего традиции классического китайского театра, среди «дегидро» и «кабардинок» кавказских народов нам особо хотелось бы выделить выступления студентов Института народов. Севера — панаевцев коряков, эвенков, эскимосов...

Их своеобразные игры и песни те же самым образом связаны с жизнью и бытом народа. Талант коряков изобразил плывущую нерпу, а эскимосы Антарктику — плавку ворона. Темы игр панаевцев — приключения рыбаков на льду, раскопки «каркашей» разных рыб и даже фетовые на пальцах илет от «боя на веслах», которых когда-то рыбаки-панаевцы разрешали споры. Очень интересен фольклор северных народов.

Эвенкийской народной песней о Ленине началась выступления студентов Института народов Севера. Надо сказать, что в этом институте впервые создается национальный театр малых северных народностей. Театр широко использует национальные формы народных игр, бытовых обрядов и богатый фольклорный материал. Мы рекомендуем Московскому театру народного творчества заинтересоваться студентами Института народов Севера. Такая клоунада, как «борьба двух малышей», исполняемая панаевцем Семеновым Килей, замечательна по юмору и мастерству.

Не менее интересен был концерт детского творчества в Большом зале Филармонии. Один из крупнейших современных дирижеров, Фриц Штудир, после концерта сказал:

«Во многих странах мира я видел и слышал играющих, поющих и пляшущих детей. Но ничто не может сравниться с вечером детского творчества в Филармонии. Такого сказочного концерта не было и не может быть ни в какой другой стране, ибо в одной стране, кроме Советского Союза, нет и не может быть подобного расцвета художественных дарований. И ни в одной стране, кроме Советской, новые музыканты, певцы и танцоры не рождаются тысячами и не получают таких возможностей для развития своих талантов».

В самом деле, где мыслим еще такой хор из шестистот пионеров и школьников, блестяще исполнивших «Полночь» Книппера и песню солдат на оперу «Тихая Дон»? На огромной эстраде Филармонии эле уместился симфонический оркестр ребят. А для свободного духового оркестра и оркестра народных инструментов шло, пионеротрядов и детских домов пришлось занять часть концертного зала.

Очень трудно выделить кого-либо из исполнителей колоссальной и разнообразной программы этого концерта. Когда 8-летняя Валя Никифорова с подлинно художественным мастерством исполнила «Фантазию» Моцарта, Фриц Штудир поспешил за кулисы и долго подал девочку среди 2000 юных артистов, чтобы вновь усилить крохотную пианистку за рояль и еще раз поощрить ее игру.

Смотр народного творчества в Ленинграде продолжается. По предварительным данным, в смотре участвовало более 100 000 человек. И на каждом вечере — будь то вечер рабочих машинистов, транспортников, или красноармейцев, или краснофлотцев — перед нами новые таланты.

Конечно, в результате этого грандиозного смотра художественной самодеятельности масс можно будет сделать выводы и о многих недостатках нашей массовой художественной работы и, в первую очередь, о недостатке руководства и помощи со стороны профессионалов искусства. Так, например, имеется факт, свидетельствующий, что вместо ориентации на народное творчество, некоторые клубные работники нередко ориентируют художественную самодеятельность на профессиональные жанры профессиональной эстрады. На концерте детского творчества, богатого музыкой, песнями, танцами, на последнем месте было художественное чтение. Разве это не результат невнимания к художественной литературе в школе?

Одно несомненно — этот смотр являлся праздником народного творчества, которым город Ленин встречает первомайские дни.

Ленинград. В. РЕОТ

БРАТЬЯМ ПО КЛАССУ, ЖЕРТВАМ ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА, УЗНИКАМ КАПИТАЛИЗМА В ДЕНЬ 1 МАЯ—НАШ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРИВЕТ!

Из лозунгов Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) к 1 мая 1936 г.

В ЗАЩИТУ КАРЛА ОСЕЦКОГО

До сих пор в мировой прессе появляются отклики крупнейших деятелей искусства и науки на возмущительные выступления Кнута Гамсуна против направления побоевой премии известного немецкого писателя Карла Осецкого. Осекция, в течение трех лет торпящая пыжья в концлагерных лагерях Германии, привлекает внимание и сочувствие широких кругов общественности.

Мы печатаем письма Ромэн Роллана и Лиона Фейхтвангера, резко осуждающих поступок порвского писателя, давшего в руки фашистских палачей оружие против беззащитного, но выдержавшего борца-антифашиста Карла Осецкого.

Псы реакции

ПИСЬМО РОМЭН РОЛЛАНА

Мне сообщили текст двух выступлений Кнута Гамсуна. Во втором из них — в письме от 29 декабря, адресованном в редакцию «Die Wahrheit», он заявляет, что никто и ничто не заставит его «нагло» вмешаться во внутренние дела Германии. Но в первом из присланных мне текстов — в статье, которая обращена ко всему миру, Кнут Гамсун сам, хотя его никто об этом не просил, высказывает эту «наглость», к тому же подкрепленную известностью: он обращается к осужденному, заключенному в тюрьму и находящемуся под угрозой смерти немцу, и читает ему нотацию. Кнута Гамсуна ничуть не смущает то, что этим он дает палачам Осецкого оружие против их жертвы, он приветствует ра-

справу с Осекким. В заключение Кнут Гамсун превозносит государственную строй Германии, против которой восстает и Осекция и совесть лучших европейцев. Разве это не означает, что Кнут Гамсун становится на сторону национал-социалистов?

Этот тип литератора нам знаком. Он напоминает тех литераторов, которые во Франции, после кровавого подавления Парижской Коммуны, приветствовали версальских палачей и подобно Александру Дюма-сыну и Франциску Саррес, насмерть травлили их жертвы.

Итак, бывший свободный человек, Кнут Гамсун этично занимает почетное место в своре псов реакции.

РОМЭН РОЛЛАН.

Лицемерие и бесстыдство.

ПИСЬМО ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА

Кнут Гамсун — большой художник. Больше всего его читали и лучше всего понимали в Германии. Некий издатель увидел его, что некогда Германия не была более высокой и чистой культурой, чем теперь. Доказательством тому служат любовь немцев к произведениям Кнута Гамсуна; в концлагерные же лагери он попадает только те, кто добивается этого то что бы то ни стало. Например присяжный нарушитель Мира Осекция, который забрался туда с исключительно демонстративной целью причинить отсюда как можно больше неприятностей своей отчизне. Этот издатель вымывает в Кнута Гамсуна — да отчитает он как следует этого беспечного склонника, этого воинственного бунтаря.

Почему бы в самом деле Кнута Гамсуна не оказать эту услугу высококультурной нации, нации присяжных своих читателей? Видно, никто не рассказал Кнуту Гамсуна о том, что большинство тех немцев, которые были когда-то первыми его читателями и которые раньше всех принялись за распространение его книг, — что большинство этих немцев вынуждены были покинуть Германию. Видно, никто не рассказал писателю о том, что человек, который руководит в настоящее время издательством, выпускающим книги Кнута Гамсуна на немецком языке, был раньше офицером германского флота, а теперь является убежденным сторонником концентрационных лагерей, т. е. является полной противоположностью человеку, осуждавшему это самое издательство. Отнюдь не в интересах Гамсуна обладать какими-нибудь точными сведениями на сей счет.

Гамсуну свойственно чувство благодарности. Германия признала его, — так возмужал же он отказать в признании Германии? Он — поэт, он стоит высоко. Его сторожевая башня будет в чистой культуре, чем теперь. Доказательством тому служат любовь немцев к произведениям Кнута Гамсуна; в концлагерные же лагери он попадает только те, кто добивается этого то что бы то ни стало. Например присяжный нарушитель Мира Осекция, который забрался туда с исключительно демонстративной целью причинить отсюда как можно больше неприятностей своей отчизне. Этот издатель вымывает в Кнута Гамсуна — да отчитает он как следует этого беспечного склонника, этого воинственного бунтаря.

Кнут Гамсун очень шестипален. «Никогда и никто, — заявляет он, — не заставит меня совершить радость и вмешаться во внутренние дела Германии». Но в его интересах почитать, что он уже вмешивается во внутренние дела Германии, когда становится на сторону создателей концентрационных лагерей против немецкого народа.

Кнут Гамсун считает, что Англия и Франция сокрушат Германию, что они унижат ее. Не в его интересах знать, что представители власти Третьей империи унижат порвский народ, пытаясь лишить его права увенчать лаврами человека, которого народ этот считает лучшим и энергичнейшим защитником мира. Кнут Гамсун — великий писатель. Когда прочтешь его статью об Осекции и его послание редакции «Wahrheit» начинаешь понимать, почему Платон решил изгнать поэтов из своего государства.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

«ПОДЗЕМЕЛЬЯ ВАТИКАНА» АНДРЕ ЖИДА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство Мондальари выпустило в итальянском переводе «Подземелья Ватикана». Несмотря на то, что книга была предостереженно снабжена «обозревателем» предисловием, появились ее выходы буря в среде итальянских фашистских критиков. Любопытно, что никто не кри-

тиков не касается самого произведения, направляя все стрелы против автора — врага фашизма. Андре Жид изображается, как отравитель адовой итальянской молодежи, восхитительной «чуждой» искусством Габриэля д'Аннунцио.

З а р у б е ж о м

„Народный театр“ в Париже

К открытию Международной выставки 1937 г. в Париже предполагается на месте разрушенного дворца Троаделло построить новое здание «Народного театра».

Поль Гезель опубликовал в последнем номере журнала «Ретар» проведенную им среди французских писателей анкету о том, каким должен быть народный театр, и возможно ли в настоящее время во Франции осуществление подлинно народного театра.

Известный французский писатель Шарль Мэре, председатель общества драматургов в Париже, весьма скептически относится к проекту нового театра. Ш. Мэре считает гораздо более целесообразной постройку нескольких театров в рабочих кварталах Парижа.

«Этот будет подлинно народный театр, который явится для драматического искусства Франции источником обновления и возрождения».

Шарль Вильярк в своем ответе резко возражает против задачи и характера буржуазного и народного театра. В капиталистическом обществе театр, за редким исключением, преследует единственную цель — обогащение предпринимателя. В связи с этим буржуазный театр как и кино, по мнению Шарля Вильярка, могут быть только низкого качества.

Но народ полон новых стремлений, душевной свежести и зоркой морали. Он относится с уважением к самым высоким проявлениям человеческого ума. «Народный» театр, доступный самому скромному

классу, должен включать в свой репертуар только самое высокое, самое прекрасное из театра всех времен и народов», — заключает Шарль Вильярк.

Замечательный автор книги «О народном театре» Ромэн Роллан отозвался на анкету Поля Гезеля большой истеричной статьей.

Ромэн Роллан считает вопрос о построении народного театра в Париже проблемой не только художественной, но и социальной природы. Буржуазный театр — накладка на книгу краха. Он сказал свое последнее слово. Устал и он, и его зрители. Экономические, моральные и социальные причины — все способствует пустоте в его залах. Этот театр себя пережил.

Ромэн Роллан вспоминает, как лет сорок тому назад, возрожденный старческим остоном буржуазного французского театра, он ощущал искушение народного театра. Но ему казалось тогда, что народ еще недостаточно осознал свою судьбу и свои силы, и он писал в то время: «Вы хотите искусства для народа? Но для этого нужен народ, свободный ум которого мог бы наслаждаться этим искусством».

«Сейчас он есть, этот народ», — пишет Ромэн Роллан.

«Он утвердил себя и свое могущество в грандиозных выступлениях последних лет. Он еще не победил. Но он победит. И он знает это. Каждый из нас чувствует, что мы — накануне великих боев».

Ссылаясь на статью Поля Низана «О возрождении трагедии», Ромэн

Роллан соглашается с утверждением автора статьи о том, что трагедия возродилась не на сцене, а в книге, что «революционная литература является современной формой трагедии».

«Действие книг не так опасно. Оно распространяется постепенно, не сразу обнимая разрозненные группы людей, которые реагируют на книгу весьма различно. Но театр является ареной непосредственного общения, где чувство распространяется широкими волнами. Рожденные действием и порождающие действия, великие театральные произведения — это битвы истории. И пока существует консервативное государство, оно будет возмущать прегреты распространению в театре этих массовых эмоций, этой революционной энергии».

«Таким образом, каждое обновление существующего мира требует революции. Я писал раньше: «Через революцию — к миру». И теперь пишу: «Через революцию — к народному театру, к новому искусству».

Это не значит, однако, что нельзя приступать сейчас к закладке фундамента народного театра потому, что еще не наступили новые времена».

«Нужно, чтобы наш дух опередил победу. Мы не боремся с мрачным чуждом за опасное дело. Сама судьба человечества борется в наших рядах. Мы — ее руки, ее голос, ее вера. Будем же ее радостью».

Движение за единый фронт в Канаде

О развитии движения единого фронта в Канаде свидетельствует издание нового журнала «Нью фронт». Этот журнал должен, — по заявлению редакции, — во-первых, знакомить читателя с работами тех писателей и художников, которые отражают в своем творчестве социальные явления, и, во-вторых, служить трибуной для прогрессивной мысли. Канадские писатели начинают все больше интересоваться общественной жизнью и создают произведения большой значимости как в социальном, так и художественном отноше-

нии. Редакция журнала «Нью фронт» стремится лучше из этих работ сделать доступными широкому кругу канадских читателей.

«Кроме того редакция является свободным обсуждением различных вопросов, волнующих общественность Канады, достигая общей платформы, на которой могли бы объединиться все передовые люди и безоговорочно бороться против всякой реакции как на культурном, так и на политическом фронте».

Дальше в редакционной статье говорится о том, что в Канаде, несмот-

ря на особые условия, отличающие ее от других стран, существует опасность фашизма. «Никогда еще в истории страны не было такой необходимости, как в наши дни, в ясной мысли и единстве действий писателей, художников и интеллигенции». Редакция надеется, что зловещие реакции будут противопоставлены объединенные силы всех прогрессивных людей и что «стояние на перепутьи приключит к защитникам культуры и цивилизации, как это делала такая писательница, как Оддис Хэксис, Е. Форстер, Мак Лин и Андре Жид».

Рисунок Я. Берни.

«Жарься вель, вар жарсь. Пламя вель Котел мутьель». Шекспир. «Макбет», IV акт. Сцена седьмая.

СЛАВА СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА!

В беседе с сотрудником нашей газеты Георгием Бакалов, известным болгарским историком, член-корреспондент Академии наук СССР, переводчик произведений М. Горького и ряда других советских писателей на болгарский язык, перед отъездом из СССР пожелал своим впечатлительным коллегам помесячному пребыванию в Советском союзе.

«Я очарован вашей прекрасной страной, где трудящийся народ освобожден от эксплуатации паразитических классов, где он является творцом своей жизни, где он строит бесклассовое общество».

Ваши успехи в строительстве социализма поистине колоссальны. Вы не только подвели фундамент социализма, вы построили индустрию, но вы еще воздвигли источники благосостояния, изобилия, богатства. Тысячекратно прав великий вождь народов Сталин, сказав, что жить у вас стало лучше, жить стало веселее».

Благосостояние ваше дает вам возможность каждые два года увеличивать население Союза на новые шесть миллионов, т. е. на одну Болгарию. В то время как в капиталистическом мире идет вырождение масс».

Ваша работа о подрастающих поколениях вырабатывает молодое, не знающее ужасов капиталистического строя, радостно развивающуюся, имеющую возможность выявлять все свои таланты и способности».

Ваша фабрика и завод, обслуживающие всеми культурными учреждениями, превращают труд, являющийся в классовом обществе проклятием, в дело доблести, чести и славы».

Стахановское движение ставит практический вопрос о ликвидации противоречия между умственным и фи-

зическим трудом и расширяет путь коммунизму».

Ваши успехи приобрели крестьян в технике и культуре социализма, чешского города и промышленности, уничтожили штифт старой «сальской» жизни, создали благосостояние крестьян, в то время как в капиталистическом мире разоренные массовые крестьяне вынуждены тянуть лямку жесточайшей нищеты».

Колоссальная книжная продукция, которую нарастают избранный расцвет науки, школ, университетов, научных учреждений, обогатил клубы, театры и кино, предоставляем как плоды в мире, — все это говорит не только о благосостоянии советских народов, но и о полноте культуры масс, о создании полой, невиданной социалистической культуры».

Какая радость жить в социалистическом обществе! Как вы счастливы, друзья!

Я разговаривал со многими и многими людьми и присутствовал на многих собраниях и видел великую любовь, которую питает к социалистической родине, к оплоту мира — Красной армии, верному стражу молодого социалистического общества от империалистических хищников, любовь к своему правительству и к партии Ленина, к вождям. Пламенная любовь к гениальному вождю народов, великому Сталину, превосходит всякое представление».

Путь СССР в историю — это путь величия, порожденного социализмом в классовом обществе проклятием, в дело доблести, чести и славы».

Пока бешеному фашизму не удастся сломать мое перо и зажать мне рот, я буду возмущать славу стране социализма, признавая ее за защиту от империалистической напасти».

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПОЛЬСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Одни из крупнейших еврейских писателей Америки, романы которого переведены почти на все европейские языки, И. Опануш, опубликовал недавно в американских и европейских газетах открытое письмо польским писателям. В письме Опанушу оставились на трагическом положении еврейских масс в Польше».

«При с половиной миллиона, — пишет Опануш, — евреев подвергают теперь таким гонениям, таким еврейским истязаниям, каких поляки не знали даже во времена русского царства и немецких Висмарков. Прав Пружинский, горестно заявлявший в «Вяломоши литературе»: «В течение ста пятидесяти лет нашего рабства мы, поляки, научились мучить наших национальных меньшинств».

Да, национальные меньшинства подвергались в Польше тяжким мучениям!

В 1934 г. я посетил мой родной Млаву. Вот уже несколько лет, как всей еврейской молодежи этого города не за что встать. И не только в этом городе. Неуречность, боязнь завтрашнего дня, выражение муки в глазах родителей — все это гонит из дому, на улицы. Стаей годовалых волков носится еврейская молодежь по пыльным улицам Млавы. По вечерам она собирается в городском саду. И когда дебаты начинаются после полуночи истеричными, разговоры напедают, силы иссякают и нечем их больше поддерживать, все пускается к центру зала, где висит электрическая лампа. Кто-то извлекает из кармана грошевую монету, швыряет ее в воздух, и начинается игра в «орлянку». Люди забывают, что у них дипломы адвокатов, инженеров, врачей и педагогов. Их счастливые, вырывающиеся из груди, горлоны направляются в лючок у городского сада и стаями оловяной воды успокаивают разгоряченную кровь».

В те дни, когда Ромэн Роллан описывал восстание 1863 года, я, еврейский писатель, проживавший в Нью-Йорке, писал роман «В польских лесах», воспевавший это восстание в романе «1863-й год»... «Народные демократы» убивают еврейских старцев, еврейских женщин, еврейских детей. Они бомбят варшавские школы, выбрасывают евреев на ходу из вагонов, грабят еврейскую бедноту».

Вина за погромы падает и на польских художников, на польскую интеллигенцию. Почему они молчат? Почему молчит Каден-Бандровский? Он-то ведь знает отлично, что если бы евреи стали у власти в Польше, восторжествовала бы расистская теория Гитлера! Тогда бы был разоблачен страшный «грех» Бандровского, мать которого была еврейкой. Да и не только о Бандровском была бы речь. В Варшаве сбросили бы с пьедестала и памятник Мишкевичу, ибо припомнит ему его слова: «Я — نابольному еврей и نابольному поляк и торжусь этим».

Не молчит один только польский пролетариат. Польские рабочие приняли активное участие в забастовках протеста против еврейских погромов. Это единственный светлый проблеск в современной польской действительности. И совместно с нами, польскими рабочими, должны мы противостоять волне антисемитизма, волне диких погромов и обратиться к человечеству с призывом: — Долой бесправие народов! Да здравствует свободное человечество!»

В те дни, когда Ромэн Роллан описывал восстание 1863 года, я, еврейский писатель, проживавший в Нью-Йорке, писал роман «В польских лесах», воспевавший это восстание в романе «1863-й год»... «Народные демократы» убивают еврейских старцев, еврейских женщин, еврейских детей. Они бомбят варшавские школы, выбрасывают евреев на ходу из вагонов, грабят еврейскую бедноту».

Вина за погромы падает и на польских художников, на польскую интеллигенцию. Почему они молчат? Почему молчит Каден-Бандровский? Он-то ведь знает отлично, что если бы евреи стали у власти в Польше, восторжествовала бы расистская теория Гитлера! Тогда бы был разоблачен страшный «грех» Бандровского, мать которого была еврейкой. Да и не только о Бандровском была бы речь. В Варшаве сбросили бы с пьедестала и памятник Мишкевичу, ибо припомнит ему его слова: «Я — نابольному еврей и نابольному поляк и торжусь этим».

Не молчит один только польский пролетариат. Польские рабочие приняли активное участие в забастовках протеста против еврейских погромов. Это единственный светлый проблеск в современной польской действительности. И совместно с нами, польскими рабочими, должны мы противостоять волне антисемитизма, волне диких погромов и обратиться к человечеству с призывом: — Долой бесправие народов! Да здравствует свободное человечество!»

Вина за погромы падает и на польских художников, на польскую интеллигенцию. Почему они молчат? Почему молчит Каден-Бандровский? Он-то ведь знает отлично, что если бы евреи стали у власти в Польше, восторжествовала бы расистская теория Гитлера! Тогда бы был разоблачен страшный «грех» Бандровского, мать которого была еврейкой. Да и не только о Бандровском была бы речь. В Варшаве сбросили бы с пьедестала и памятник Мишкевичу, ибо припомнит ему его слова: «Я — نابольному еврей и نابольному поляк и торжусь этим».

Не молчит один только польский пролетариат. Польские рабочие приняли активное участие в забастовках протеста против еврейских погромов. Это единственный светлый проблеск в современной польской действительности. И совместно с нами, польскими рабочими, должны мы противостоять волне антисемитизма, волне диких погромов и обратиться к человечеству с призывом: — Долой бесправие народов! Да здравствует свободное человечество!»

Вина за погромы падает и на польских художников, на польскую интеллигенцию. Почему они молчат? Почему молчит Каден-Бандровский? Он-то ведь знает отлично, что если бы евреи стали у власти в Польше, восторжествовала бы расистская теория Гитлера! Тогда бы был разоблачен страшный «грех» Бандровского, мать которого была еврейкой. Да и не только о Бандровском была бы речь. В Варшаве сбросили бы с пьедестала и памятник Мишкевичу, ибо припомнит ему его слова: «Я — نابольному еврей и نابольному поляк и торжусь этим».

АНТИФАШИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Е. КНИПОВИЧ

«Книжки, что все назло мне в этой книге, — правда». Этими словами В. Лангофф кончает вступление к своей антифашистской книге «Воистинные солдаты».

Слова эти не случайны. Тысячи возмущенных голосов подтверждают правильность обвинений, предъявленных фашизму, тысячи людей, так или иначе связанных с европейской демократией, несут свои свидетельства показывая в стан пролетариев, чьи пути никогда не были их путями.

Люди, которые, как Вольфганг Гете, «предпочитают порядок справедливости», вспомнили об этой справедливости, когда рухнул «порядок» буржуазной демократии. Речь шла не о нарушении основ демократии, речь шла об их разрушении. 3 марта 1933 г. Геринг официально заявил о том, что задачей новой власти является «не вернуть справедливости, а уничтожить и искоренить». Последние барьеры упали, и лаборатория «порядка» оказалась беззащитной добычей «книжки или народа» (так называл штурмовиков Гитлер), «книжки» которых «поглотить на вытеснение преступников».

Произошло, насильно, бесправие, воровство в обманы и сложнейшие до тех пор дела. «Смена одной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой ее формой — открытой террористической диктатурой» — сделало то, что социально-политические проблемы стали личным делом, делом жизни для огромного количества людей, до того рассматривавших эти проблемы отвлеченно и теоретически.

Проблема действия, вставшая перед всеми противниками фашизма, была такой конкретной и такой неотложной, что многие из них стали с своим выбором, о том, что они стали новыми людьми, только тогда, когда

увидели себя с поднятым оружием в руках борцов антифашистского фронта».

И даже те представители зарубежной интеллигенции, для кого приход в ряды борцов против фашизма был естественной и закономерной ступенью идейного и жизненного пути, даже и они поочереди в прямом действии и в прямой ненависти к силам, которые привели их к творческому расцвету. Именно антифашистская книга раскрыла нам до конца облик Ромэн Роллана. Именно антифашистские книги показали нам всю мощь дарования Лиона Фейхтвангера. Антифашистская книга ввела в круг писателей о мировым именем Андре Мальро. Антифашистская книга стала лучшей книгой Вилли Бределя.

Боле того, прямая ненависть и воля к борьбе вставили заговорить и полным голосом тех, кто до этого не имел ни своего отечественного языка, ни своей кровной тоски. Ненависть к фашизму подняла в ряды подлинной литературы такого писателя, как Вальтер Опленгейм, обратила вчерашнего sentimentalного пафиста в автора блестящего и бесподобного памфлета «История одного наци».

Каждая антифашистская книга является нотом предельной мобилизации ее автора, каждый находит здесь свою тему, предвещает свой успех, понимает на борьбу с фашизмом все лучшее, что есть в его излюбленном арсенале. Эта внутренняя мобилизация, эта самопроверка идет у писателя-антифашиста по многим путям. Каждая из книг не только ставит вопрос о том, что и ненависть, но и вопрос о том, что я люблю, что я должен в себе преодолеть, чтобы ненависть моя стала плодотворной. И почти во всех случаях наиболее живым, острым и восторженным является ответ на вопрос о ненависти.

Как видит врага предельно-застывшей? С наибольшей художественной конкретностью на этот вопро-

суждал, отвечает книга Лиона Фейхтвангера. Величайшей заслугой Фейхтвангера является то, что лицо германского фашизма он разглядел уже в ту пору, когда национал-социалистическая партия о ее штурмовики отделились была еще резервом буржуазии. Синтетический образ фашизма, данный в «Успехе», создан до прихода фашизма к власти.

В этом романе выступает целая вереница деятелей фашизма — вождя и представителей масс, обманчиков и обманутых. Их лица, их действия, причины, приведшие их в ряды фашизма, Фейхтвангер рисует с видимой объективностью. Но эта объективность похожа на равнодушную объективность не больше, чем расклевывание добегающего жеребенка комок сена.

Отравитель собак и убийца людей еврей-антиконтинент, шантажист и организатор штурмовых отрядов Фрик Борнхагг, гудий и страшный Кальбиан — брат «Фюрера» Атона Куинер изображены с предельным художественным бесстрашием и холодной силой. За самим «Фюрером» — в первом Куинером Лион Фейхтвангер буквально идет по пятам, не прощая ему ни одной улыбки, ни одного движения.

Богатые фактами книги по истории фашизма, написанные Эрнстом Оттвальдом и Гейдолом, дают интереснейший материал для понимания того, как Лион Фейхтвангер создавал портрет Фюрера.

Комбинирование деталей, осознание и перестановка реальных фактов предоставлены им о той предельной неустремленности, которая свидетельствует о высоком качестве ненависти писателя к фашизму.

и улыбаться, «как Гамлет», и такова минигора Флаухера, которая купалась, когда «Фюрер» упал на колени перед ее хозяином, и пробка от шампанского, которая оказалась в столе обожавшего «вождя» вместо плана восстания.

Памфлетность изображения деятелей фашизма в книгах Фейхтвангера не означает глубокого реализма созданных им образов. Фашисты Фейхтвангера отнюдь не схематичны и не плакательны. Он не снисжает и не обезличивает врага. Враг хитер, жесток, по-своему мужествен. Чтобы победить его, надо мобилизовать все силы, и победа эта будет большой, серьезной победой. О таких принципах изображения врага свидетельствуют не только образы фашистов в «Успехе», но и замечательный образ фашистского учителя в «Семье Опленгейм». Формальны не лежи, не карьерист. Пусть бы хоть парень был карьеристом, — с отчаянием думает о нем директор школы, старый гуманист Франсуа. — Ужаснее всего, что он искренен, что он верит в тот вздор, который болтает. Чувствуя собственную незначительность, он заволакует себя в броню грошевого национализма, славю которую не прокинет ни один луч здравого смысла. И Фейхтвангер сумел показать, насколько опасен и бесчеловечен этот убежденный и злобный враг.

Очень глубоко и интересно в изображении фашистов, которое дано в романе Бределя «Испытание». Глаз пролетарского революционера увидел в лагере фашизма то, о чем толкуются другие художники. Бредель с полной отчетливостью показывает неоднородность состава фашистских организаций, всестороннюю социальную базу фашизма. И тюремный лекарь Бретшнейдер, и штурмовик-тремичник Ридель отражают колебания обманутых — низовой прослойки фашистских организаций. Фашизм, в изображении Бределя, уже тает в себе прелюстившие отходы мелкобуржуазной масс и будущих жестоких междуусобий.

Бели Вальтера Опленгейма не удалось поднять до подлинного художественного и идейного общения к тому внутренней неутоимости фа-

шизма, тему разочарования и морального краха его идейных представителей, но несмотря на это он дал блестящее изображение самой «кухни» фашистской агитации и ее руководителя (в романе он назван Ширвиндлом). «Потемневший низкорослый ареш» доктор Ширвиндл поистине может соперничать с самыми жуткими и омерзительными фигурами западной литературы.

Этот глава пропаганды, идейный руководитель национал-социализма, воплощает в себе весь безудержный инстинкт, всю хитрость, всю жестокость, весь авантюристический размах вдохновляемого им движения.

К чести Вальтера Опленгейма надо сказать, что он не умалил врага, — доктор Ширвиндл — политический негодяй крупного масштаба. Он даже позволяет себе роскошь давать в своем кругу совершенно точную оценку и «леглому Фюреру», и возглавляемому им движению. Но горе тому, кто попытается завладеть о нем эту правду. «Как он смеет, дурак, высказывать свои мнения? Это только к моту себе повольте!»

В целом ряде важнейших антифашистских книг мы не находим четкого и развернутого образа врага. И в «Глобах презрения» Матера и в последней части «Сварованной души» Ромэн Роллана, отчасти и в «Семье Опленгейм» Фейхтвангера лагерь фашизма дается как фон, как единая враждебная сила реакции. Центральная проблема этих книг иная. Их тема — формирование борца антифашистского фронта. Путем тяжелых испытаний, закаляющих волю, герои этих книг приходят к преодолению того индивидуалистического одиночества, которое характеризует жизнь лучших людей старого мира. Тема мужественного преодоления одиночества звучит в этих книгах по-разному. В «Семье Опленгейм» и в «Родах» это преодоление становится одновременно расплатой за одиночество. И эта тема расплату родит эмоциональную патетику Ромэн Роллана со оптимизмом Лиона Фейхтвангера.

В «Семье Опленгейм» и в «Родах» демократы и гуманисты Европы по-прежнему со своим одиночеством, со

своей индивидуальностью от широкого массового движения целью жизни своего молодого поколения, своей надеждой, своих сыновей.

Марк Ривьер и Бертольд Опленгейм — искусительные жертвы на индивидуалистических «грехи» отцов».

И Густав Опленгейм, и Франсуа — духовные отцы Бертольда — могли указать мальчику только на те ценности культуры прошлого, во имя которых примириться с фашизмом нельзя. Так же поступили с Марком Ривьером его руководители — Жюль-Эдмон, Бруно Кьеранди, его мать Аннет Ривьер. Гуманисты Европы толкнули своих сыновей на путь борьбы, но борьба для них была тождественна с жертвой, и детей своих они лишили в бой невооруженными.

Потому все молодые герои «Родах» отождествляют победу над воином и одиночеством со смертью за дело революции. «Нлого выбора нет, как между двумя смертями», — думает Марк Ривьер. — Или умереть пообещанным и оговоренным, или умереть свободным и отомщенным. Умереть, чтобы дать жить своим больным тем, кто придет завтра. О смерти в бою мечтает сын Марка, мальчик Ваня. Наверное добровольно смерти идет опасный Марком из рук фашистов Сильвио. «О, являя к жизни молодежи, это твой долг — отказаться от своей жизни, лишиться себя надежды, радости, горести, своего будущего, принести их на алтарь как искупительную жертву» — пишет Сильвио в своем завещании.

Бертольд

НОВЕЛЛЫ, РОЖДЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ

Рисунок Я. Верка. «Дорогой обед».

Битва при безымянном пальце

Л. КАСИЛЬ

На зимние каникулы у меня собрались дома приезжавшие с Волги пионеры. Мы разговаривали о школьных историях, ребята повествовали о своих удивительных похождениях, о лагерных приключениях и домашних проделках.

— Это что, — сказал вожатый, — вот дуской Коля Пангостовский про тот свой случай рассказывает. — А ну вас, это раз уже пересказывал, — засмеялся тихий, вежливый парень. — Некогда мне. И потом я тут сам что-то, вот папа, т. е. отец, он это действительно понастоящему...

— Верно, у него отец мировой, — заговорили ребята, — он красный партизан, у него даже орден, не трудной, а настоящего боевого знамени. А теперь он доктор у нас в селе. Лечит классно. Ему же анализ. Веселый, смеющийся. Ну, Коля, расскажи... Брось ты, в самом деле.

— Да чего тут рассказывать еще... Или ты... Вот пристав. Ну, ладно... Это так вышло, в общем. Мы с папой при участковой амбулатории живем втроем. Еще братишка есть — Юлька. Ну, он тогда был совсем крошечный год ему пошел, и старуха работница приходила. А мама не в ладах жила. Она... Ну, в общем, папа вот у нас — правда, эх человек. У него даже почетный наган есть о гражданской войне. Только кажется строгий и неопытный, а потом как начнешь с ним разговаривать — это он в самом деле или понарошку. Он всякие игры знает. И ну, прямо из всего иршуку выдумать может. «Коля, говори, прикрой дверь поплотнее, а то впад все пацаты дуют, а у Юлька в носу и так салатники и салатники выросли». Мы на столе у нас в бумажки солдата делаем и красноречивее. Такие бои устраиваем — держит только.

А потом он налетел на пальцы разные колпачки, а на потач глаза, нос и рот парусует, и целый театр нам устраивает. У него это только получается, красота прелесть! Моих там всякие. Клоуны, генералы, Наполеоны ходят, аборваются, дерутся, как живые. Собственно театр это он называет. Вот раз в позарешном прошлом году, в общем три года обратно, наш фельдшер Марьяшка Петровна отпросила у папы из амбулатории на год берет. В город. Ему все красноречивый папа хотелось посмотреть. Ну, папа на праздник один остался. В амбулатории все равно в тот день приема не было. Папа нам обещал новый спектакль на руках исполнить на военной жизни. Только что он стал колпачок на-

...тай на кухню к Маше, чтобы о со стола собралась. Юляк ушел, а я говорю: «Папа, я это, считай, просто безобразно с твоей стороны. Ты это Юлька вручаете жемане. А я не маленький. Что ты со мной иржушки строишь. Гауно это, вот и все. Что у тебя с рукой вышло...» Ну тогда отец уж расказал. Он в общем оказывается шестой укладок руку вчера перед операцией, а резинные перчатки он оставил дома и откладывать уже нельзя было. И наверно той же перчаткой стал тереть руку, и началось заражение в кровь. Уже и лодыжки помыли стали поливать. А в город, в больницу сейчас никак не поехали. Юлька отец ничего не велел говорить. И у нас получились вроде военной тайны. Мы отменяли карандашом, где кончается полоса, но красота лезла все дальше. Мы через каждый час смотрели. «Помоги жать воткнула», — говорят отец, барьер слал, противник форсировал лодыжку. Надо принимать бой. А Юлька, вот шила, ничего не понимая. «Вот у нас папа какой молодец, — говорит Юлька, — а все войну вам предельно ясно. А к концу папа совсем плохо сделалось. Он лежал, лежал, вдруг выскочил: «Обходит, обходит!» — кричит. Юлька проснулась, а отец уже пришел в себя, свист на кровати и говорит: «Ты спи, спи, это я репетировал. А потом мне: «Ну-ка, Николай... Вставай-ка на ножку разведку». Я посмотрел, а у него вся рука до ладони горит. И мне стало до того отрашно. Ведь видно прямо, как по руке опасность ползет, аж меня все тело хололо пробрало. Я чуть реву не дал: чего-то вспомнилось, как он нам этой рукой театр представлял. И какой-то мне палец эта рука сделала. Как будто прямо вот... ну, лежал в общем. «Да... папа говорит — пошел безымянный. Ну, жать нечего. Приказываю готовиться к боевой операции. Палец — изменили. Желать его нечего. Штаб находит необходимым уничтожить две предельные фаланги... Командование приказало себя, тебя назначаю помощником. Не боинься? — «Что значит боинься», — говорю я. — Только брось ты меня разгравывать... «Ничего, так легче», — говорит отец. А в общем ничего страшного, — отшучивал, и все. И мы пошли в амбулаторию — папин кабинет. А Юлька, шила, сзади кричит на маму: «Ой, вы дура! Кричите и меня тоже задушите, вот папа! Большая пареня, пятый год, а ничего не пошла».

— Ну, сначала произведем артиллерийскую подготовку, — говорит отец, достал пирожки. — Так. Артиллерия здесь, в общем, хорошая. Вот, вот, в с руки. А ну, лежи как следует. Чего это у тебя зубы стучат? А, понимаю. Это у тебя вроде плуемата. Так, так, стучи. Ну-с, теперь, Коля, возьми вот это... Если боинься, отворачивай. В случае, сознание потерял, вот это вырывать. Бей? И он все время так говорил командирским голосом. Так я и не знаю — него это он нарочно, чтобы мне в общем легче было, или правда, в бреду. Жар у него был под сорок. Но я тоже, чтобы настроение поддерживать, хоть самого меня и трясет всего, тоже говорю по-командирски: «Бей вырывать, папа...» И правда, от этого в общем как-то легче получалось. Вилло мы на войне с ним рядом. Потом он вдруг закричал: «Санитары, санитары, бинты давай...» Я ему сразу перепрыгнул. Но тут он вдруг слезал совсем белым, холодный, потный весь, стал валиться. Я зажмурился и вырвал ему в руку, как он велел. А потом помог ему под руку дойти обратно до постели. Ну и все.

А к вечеру и фельдшер приехал. «Ох, Георгий Осипович, говорит, вот красота парад был! — Это он еще в передней начал, а как вошел, так и стал: «Что это вы?» — «У нас тут тоже парад, — не парад, а битва безымянный палец. Ну, Коля молодец, все-таки. Сдрейфил, правда, порядок, но все-таки не срешил свое положение. Это, по крайней мере, сын, а поймаю». «Да, а он сам даже не пынулся. — Я говорю, — вот это, я понимаю, еще отец».

Правда, папа у меня замечательный мальчик. Просто я не знаю, до чего и его это... А рассказывать тут чего же. Пристанут вот...

По инициативе А. М. Горького журналу «Наше достояние» введ постоянный отдел, посвященный подзаголовку «Обыкновенный репортаж». Само название говорит о том, что материал отдела складывается исключительно из фактов и документов, не тропуемых литературным вымыслом. Это начинание вышло отклик на всех редакциях СССР. Материалы идут из Ульяновска и Пермь, из Тамбова и с Омеля, из Омска и с Камчатки. Это материалы новеллы, созданные самой жизнью. Лаконичнее и выразительнее, они говорят за себя в двадцати-тридцати строках больше, чем иные литературные произведения о пролетарском движении.

Их прислают трактористы, пионеры, рабочие, красноармейцы, летчики, лейтенанты, школьники, врачи, летчики, председатели сельсоветов. Все они — скромные летописцы будущей Советской страны и новых взаимоотношений ее граждан. Так складывается поразительная мозаика новелл, рожденных без участия литературы.

Вот несколько таких новелл.

Сыновья колхозника Епифанова

В селе Порог, на Онеге, среди вековых лесов живет старый колхозник Епифанов. Редким остаток он рад, но рассказывать о прошлом не любит. По его словам, вспоминать нечего — одна неприятность. Гостю он показывал газетную вырезку, в которой приводятся страшные цифры детской смертности в последние времена в Онежском районе. В этих селах, заповенных в дурную пору, и выворванных от социальных болезней и нищеты, из десяти детей чуть ли не семерых носило на погост. Эти вырезку старик Епифанов бережно хранит в шкапчике вместе с письмами, полученными от сыновей.

От старшего сына пришло письмо из Японии, из Токио. Старший сын работает в подполителе. От среднего сына пришло письмо из Москвы. Он — инженер-электрик, работает старшим мастером в депо метрополитена и считается лучшим специалистом.

От младшего сына пришло письмо из Матюгина Шара. Младший сын — начинающий радиостанционер.

Старик Епифанов по складам перерывает письма сыновей и, подмигивая, говорит заезжому технику: — Ладные ребята. Эти, пожалуй, и при царя не пропали бы, выжились бы. До старшего пастуха достужались бы, пожалуй, как думаете?

Веселые «чэки»

Они назвали себя «веселыми чэками». «Чэки» — это сокращенное «член экспедиции».

Десять ребят и девочек — отличников из школ Московской области, ПЧО, Азово-Черноморского края и Западной Сибири, участников школьных кружков мичуринских вынужд, справились летом, под руководством батюшки, в экспедиции на Алтай, в Омскую и Хакасию. Они прошли свыше 800 километров по алтайским тайге верном, пешком и в лодках. Экспедиция увенчалась успехом. Они нашли 27 сортов дикорастущей смородины, нашли лук, выносящий морозы до 45 градусов, пригодный для полярных колхозов. Нашли алтайскую крапиву, которая дает выносливое и ценное волокно.

Это было незадолго до смерти Мичуринца. После экспедиции двое «веселых чэков» отправились к нему в Мичуринск. Они везли в дорожных баулах подарки великому селекционеру — корня и посадочный материал своих находок.

Мичурин был восторган и растороп. Перед ним стояли мальчик и девочка, в синих рубашках с красными галстуками, в широких дорожных ботинках, загоревшие и аборвае. «Душка Мичурин» принял их дары. Затем спросил: — А не странно было, дети, в тайге? Вел 800 километров, не шутка? Мальчик молчал. Девочка, покраснев, ответила:

— Странно было, душка Мичурин. Вот, едем по тайге, едем, да подумается: а вдруг ничего не найдем? Вот погорит будет. Странно было...

Из стенгазеты

Выдержка из дорожной стенгазеты вагона № 296 скорого поезда Сочи — Москва:

«Мы, проводники вагона № 296, объявляем на всем пути до Москвы обслуживать на «котлино» наш вагон, в котором едет писатель-орденоносец Николай Алексеевич Островский. Поддерживать в вагоне непрерывно температуру, предписанную врачом, устранять все возможные провозы беспорядков. Мы еще читали роман Николая Алексеевича «Как закалялась сталь» и гордимся тем, что везем такого человека».

Лиза Фалшикина, Поля Артемьева».

«К отправлению поезда на вокзал Сочи явился машинист-орденоносец Крюков, отключивший в Сочи, и пристукнул машиниста нашего поезда, как весте состав, чтобы на всем пути до Москвы не было точечных при отправления и прибытия на станции. Свидетельствуем: на всем пути от Сочи до Москвы на одного, даже самого легкого толчка не было...»

Пассажиры вагона № 296 (Подписки)

Из рассказов гида

Мистер Н. из Чинго, владеет несколькими крупными предприятиями, путешествовал по СССР. Он проехал Украину и Грузию, затем остановился в Армении. Здесь ему был представлен в качестве проводника молодой инженер. Вместе с ним мистер Н. посетил электростанции в уездных, самое высокое в мире озеро Севан, кончатый завод, колхозные сады, племенные животноводства. Молодой инженер прекрасно владел английским языком и давал интересные объяснения. Но мистер Н. мучило желание увидеть желанное. Ему хотелось увидеть курдов. Он читал когда-то об этом племенном ковчежков, назидательных, первобытных воинов в романтических пещерах из козьих и барсовых шкур. Он несколько раз сказал молодому инженеру о своем желании. Наконец, мистер Н. настоячив поговорил о своем желании. В его голосе прозвучало даже некоторое раздражение. Но и в голосе молодого инженера звучало раздражение, когда он ответил:

— Курды, курды. Стоило ехать так далеко, чтобы увидеть курдов. Если уж вам так хочется этого, то вот, смотрите. И — курд, только в шапке ковчежника, носил козьий шкур. Революция послала меня в институт, затем в институт. Владеть английским языком и очень ценно знание спецназначен. Кроме того, я чемпион по футболу и дважды награжден за строительство электростанций. Устраивает вас это? — Устраивает, — коротко ответил мистер Н.

Предусмотрительность

В селе Касс, Каменотоманской тундры, венский пионер Миша Алпичин собственноручно изготовил и вывесил плакат. На плакате значилось большими буквами: «Берегись автомобиля!» Его спросили: — Зачем ты это сделал? Ведь в тундре нет автомобилей. Он ответил: — Их нет, но большевики делают так, что они будут. Пусть народ привыкает...

Анкета Кати Медниковой

Имя, фамилия: Медникова Катя. Возраст: на пять дней моложе Октябрьской революции. Образование: получила семилетку. Занятие в данный момент: учусь на слесаря в фабзавуче завода «Калдир». Любимое развлечение или спорт: Самостоятельное вождение самолета... С 25 июня 1935 года пилотирую машину «У-2» заводского аэроузла.

Заказ

Письмо с заказом в Центральный московский универсам:

«Прому я вас прошу прслать мне германского лучшего качества и лучших мастеров, восьмипланочную, венского русского строя, высокого тона, вишневое-коричневое, корпус — с стальными рессорами, с металлическими и никелевыми на инстру, на замке, с мелкими планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 600 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прому отправлять по почте.

К сему колхозник Иван Ницета».

Сбоку присписки:

«Как подписал свою фамилию, так подумал: пора, пора мне парскую фамилию на советскую менять. Или оставить? Вроде как вспоминание — Иван Ницета».

Встреча в тундре

Нарты, запряженные веревенной собакой, встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каковы-тошоники обменялись приветствиями:

— Вудь здоров! — И ты так же! — Что ты везешь? — Маха в фактории. А ты? — Шункина, Тургенева и Горького.

Кагор говорил правду. Он вез в стоибины выпущенные Ленинградским Госпиталем на языках севера («Сказку о рыбе и рыбе» и «Сказку о попе и работнике его Балде» Пушкина, «Муму» — Тургенева и «Яшира» — Горького.

Книги заворачивал на поезде, самолетах, оленях и собаках в самые дальние поселения и стоибины Сахалина, Чукотки, Камчатки, Уэльона.

Нарты размянулись. Они поехали в факторию, другие отправились влудь тундры.

Кагор сидел сбоку, бережно придерживая груз, и пел:

Я сегодня у отня силу, Я сегодня буду иметь беседу, Я сегодня буду иметь беседу С мудрыми и достойными людьми — С Пушкиным, Тургеневым и Горьким.

После атаки. Два кавалериста подползят к командиру:

— Разрешите отлучиться, товарищ лейтенант. — Вам отлучать надо, а не отлучаться. Куда отъез? — А туда, на дорогу, женщины комоч.

Разрешение получено. И оба поехали на несколько километров по шоссе незнакомой колхознице исправлять ось.

Бор. ОЛЕНИН

Освоение Северного пути

Киевские школьники провели мажорную игру, увлекшую весь город — детей и взрослых. На одной из аллей парка потерпел крушение фаерный «Челюскин». Киевские школы организовали помощь побижующему кораблю. Школьные кружки радиостроили вышине-коричневую гармонь, с стальными рессорами, с металлическими и никелевыми на инстру, на замке, с мелкими планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 600 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прому отправлять по почте.

«Как подписал свою фамилию, так подумал: пора, пора мне парскую фамилию на советскую менять. Или оставить? Вроде как вспоминание — Иван Ницета».

Встреча в тундре

Нарты, запряженные веревенной собакой, встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каковы-тошоники обменялись приветствиями:

— Вудь здоров! — И ты так же! — Что ты везешь? — Маха в фактории. А ты? — Шункина, Тургенева и Горького.

Заказ

Письмо с заказом в Центральный московский универсам:

«Прому я вас прошу прслать мне германского лучшего качества и лучших мастеров, восьмипланочную, венского русского строя, высокого тона, вишневое-коричневое, корпус — с стальными рессорами, с металлическими и никелевыми на инстру, на замке, с мелкими планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 600 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прому отправлять по почте.

Встреча в тундре

Нарты, запряженные веревенной собакой, встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каковы-тошоники обменялись приветствиями:

— Вудь здоров! — И ты так же! — Что ты везешь? — Маха в фактории. А ты? — Шункина, Тургенева и Горького.

Предусмотрительность

В селе Касс, Каменотоманской тундры, венский пионер Миша Алпичин собственноручно изготовил и вывесил плакат. На плакате значилось большими буквами: «Берегись автомобиля!» Его спросили: — Зачем ты это сделал? Ведь в тундре нет автомобилей. Он ответил: — Их нет, но большевики делают так, что они будут. Пусть народ привыкает...

Анкета Кати Медниковой

Имя, фамилия: Медникова Катя. Возраст: на пять дней моложе Октябрьской революции. Образование: получила семилетку. Занятие в данный момент: учусь на слесаря в фабзавуче завода «Калдир». Любимое развлечение или спорт: Самостоятельное вождение самолета... С 25 июня 1935 года пилотирую машину «У-2» заводского аэроузла.

Освоение Северного пути

Киевские школьники провели мажорную игру, увлекшую весь город — детей и взрослых. На одной из аллей парка потерпел крушение фаерный «Челюскин». Киевские школы организовали помощь побижующему кораблю. Школьные кружки радиостроили вышине-коричневую гармонь, с стальными рессорами, с металлическими и никелевыми на инстру, на замке, с мелкими планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 600 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прому отправлять по почте.

Встреча в тундре

Нарты, запряженные веревенной собакой, встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каковы-тошоники обменялись приветствиями:

— Вудь здоров! — И ты так же! — Что ты везешь? — Маха в фактории. А ты? — Шункина, Тургенева и Горького.

Заказ

Письмо с заказом в Центральный московский универсам:

«Прому я вас прошу прслать мне германского лучшего качества и лучших мастеров, восьмипланочную, венского русского строя, высокого тона, вишневое-коричневое, корпус — с стальными рессорами, с металлическими и никелевыми на инстру, на замке, с мелкими планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 600 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прому отправлять по почте.

Встреча в тундре

Нарты, запряженные веревенной собакой, встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каковы-тошоники обменялись приветствиями:

— Вудь здоров! — И ты так же! — Что ты везешь? — Маха в фактории. А ты? — Шункина, Тургенева и Горького.

СВЯТЫЕ НЕПОТРЕБНИКИ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Г-н Розенберг молится древним германским богам, прохитив ихмелем в свиной кровью, богам скрепина и топором. Генералы рейхсвера предпочитают обыкновенного литературного бога, хотя он и безобразен, но это приличный бог в старом мундире. Младолыонцы молятся богам своих предков, а, обобщившись, что им не удалось воплотить животы нам, испарывают животы себе. Старый янецов Савва Давидович Араки в православном собрании молился о плавающих и путешествующих, которые направляются в Монголию. Что касается святого отца, то он, разумеется, молится римско-католическому богу. Все они молятся об уничтожении безбожной Москвы, и только рассеянные богам можно объяснить, что Москва еще существует и что советские граждане говорят о каком-то олицетвлении, вместо того чтобы послать голову пеплом и порвать одеяния, зря изготовленные Москвитинем.

На всех богов самый просвещенный — римско-католический. Он должен бреговать богами г-на Розенберга: он не горит на конище и не дерется на кулачках. Это старая солидная фирма, никаких эффектных чудес, испытанных добротных товаров: туфля паны, шефера Лурда, издательская и мудрость отпов извуют. Наместник римско-католического бога на грешной земле, непогрешимый папа, сказал своим кардиналам: «Надо ребята, налево!» Святой культ-прон обьяил конквуре на написание лучшего антибольшевистского романа. Для рассмотрения рукописей была составлена писательская бригада. В нее вошли автор политически-христианских романов Честертон и автор христианско-светских романов Бордо. К ним приставили баронессу Гандель Милетти, виконта Анри Давиньона, а также ожевеноченного невеста отца Маклакова. «Отцы» он по чину, но семейному положению — сын парского министра. Жизнерадостная бригада рассмотрела 119 произведений, написанных на

различных языках. Одна рукопис была написана на португальском языке, ее навроде читал «Рёте Маклаков» при содействии святого духа.

Русские эмигранты исполнились. Конечно, это — идеалисты, они твердо знают, что сознание определяет бытие, но жить идеалистам все-таки плохо. Святые отцы общаются не только опшесие на том свете, но и денежные премии, уплачиваемые в яслях слеа, в твердой валюте: 50 тысяч франков, 20 тысяч, 10 тысяч. Двадцать пять эмигрантов «ударников» бордо ваялись за работу.

Летом прошлого года зюря установили, что первой пришла Аля Рахманова; она написала роман «Фабрика новых людей». Вторым пришел сотрудник «Возрождения» Иван Лукуша, автор романа «Дом пыток». Третьим приехал некто Таманин.

Иван Лукуша ходил гордым по Парижу. Он принимал поздравления и набирал авясы в редакцию. Только отец Маклаков косо поглядывал на лауреата. Отец Маклаков знал астику: «tobeheloc» предполает, а бог газетарство. Одно дело — Честертон или даже баронесса Гандель Милетти, другое — римско-католический бог и его подлины на земле. Решения зюря было пересмотрено. Первое место попрежнему осталось за непогрешимой Алей Рахмановой, но Ивана Лукуша выкинул австрийский неустой Фрик фон Кюндель-Ледина, а Таманина, который уже сиял тысячами пальцы, чтобы пересидеть десять тысячных кредиток, перевернул бравый генерал Краснов.

Святые отцы обьяили, что оулся Лукуша и Таманина не «соответствуют христианской морали». Таманин понял, что дело это пропало и предался посту, который равно приличествует христианству как римско-католической, так и автокефальной и православной церкви. Иван Лукуша не мог успокоиться. Как, его, главного молельщика христианского бога «Воз-

рождения», бога серы Генри Детериджа, генерала Блюбергера и Саввы Давидовича Араки обвиняют в каком-то уклоне? Кардинал Альфред Бардильер, выслухав сведения Ивана Лукуша, подал жалобу на Кардинала Альфред Бардильеру, но не выдано римско-католический. Иван Лукуша ушел с длинным удовольствием и с пустым бумажником. Надо надеяться, что когда конурк обьяит Савва Давидович, Иван Лукуша приберет первым.

Кардинал Альфред Бардильер недавно поздравил счастливого Алю Рахманову. Он назвал ее «известной, почетной знаменитой русской писательницей». Слово «почти» надо приписать кардинальской скромности — кто же на русских читателей не знает Алю? Правда, эта Аля, будучи русской писательницей, почему-то пишет по-немецки. Наверно русский язык после революции опригожея ей. К тому же по-немецки пишет свои романы почти знаменитый Гобельс.

Давы кардиналы поверили в глумло русскую сущность г-жи Рахмановой, она назвала себя Алей. Кто знает, как ее зовут — Александрой или Алейю, но Аля — это звучит по-русски. Все исповедательницы русских романисток зовут себя не иначе, как Шурями. Наимья или Натанья. Надо думать, да же отнюдь не иривная публицистка г-жа Кукунова, скоро станет подписываться: Катя Кукунова.

Апогост Павел, получив написанную Кукуновой, неужет от жени, чтобы не испугал тебя сатана! Святые отцы, уми, обречены на безбрачье, и сатана их вдоволь испугает. На рукопис романа добродетельной

Владимир устроил «Фабрику новых людей»: это колония ПЧУ. Живет ему плохо: домработница Пана отказывается стирать носки, ссылаясь на общественную нагрузку. У Владимира была бедня дет. Он должен написать очерки «Савва», Леонида Андреева, так как это — «добра коммуниста». Потом он должен отправить в подвал губисполкома коммуну лодку на Васильевку, а Марине, являясь наемщиком на прохождение Иисуса Христа. Он изнасиловал Танию случайно. Потом он вошел во вкус и захотел жениться на Тание. Тания — буржуазного происхождения, она верит в бога и не хочет стать супругой Владимира. Она также отказывает профессору Верховоланцеву, который по неудачному продолжению называется Дмитрием Васильевичем, а по сле — сокращенно Васильевичем.

Терапевтис любознанным музьям, Владимир идет в галерею Насте. Там он находит якону Симеона-праведника. Владимирова зовут Сеней, и столь таинственное совпадение заставляет его предположить над таинством тридцатого божества.

На «Фабрике новых людей» работает доктор Краснов. Он призывает вудшек и молодых людей к воздержанию. Некто «Полтрук», который женит в самой раа, возмущен контрреволюционными проектами доктора. Доктор разлетает довода и кидает в подвал, где вода по пояс. Доктор болел захоткой, и, разумеется, у него начинается тень кровя родом. Он сознание в своем преступлении и здесь же на месте умирает.

Сын порты Поли Ивановича, Иван Полетчик, перебрал даже полтрукую: он женился 23 раза. Он подал негу разным жем. У Виталия Полетчика имеется сын Авангард Витальевич, но на его «октябризацию» Виталия Полетчика почему-то не поехали. Давнее Аля Рахманова начинает звать Виталия Полетчика Борисом Павловичем (за всем не управляет Борис Павлович женится в 24 раз на богатой актрисе, исполнительнице модной роли «Аида». Актриса

обожает сына порты, хотя и говорит, что он «балбала (?) без стру»). Она идет к галерею Насте за советом. Но мерзавцы, соблазненные бриллиантами, убивают актрису. Появляется некто Андрей Иванович из рода Гурьянковой, но его мигит зывают.

Владимир заболел воспалением легких. Тогда изнасилованная им Тания решает выйти за него замуж; она хочет спасти грешную душу «председателя губисполкома»...

Красавица Тамара слодит с ума. За ней ухаживал Виталий Васильевич. Он вывозил в больничную Нинель. Эту Нинель разорвет любовница Виталия Васильевича бросает свою жену Ано. Нинель сходится с кем пошло, и Виталий Васильевич немолод страдает от этого. Вле куда приколота Ано. Она решает уехать в колхоз к родителям. Но мать ей пишет, что в колхозе жить нельзя. Вон первых, ей не упрямится со своими детьми, которых грабительно зовут Манюшкой и Ванюшкой. Во-вторых, любимый коня Серку большевик переименовали. После этого жизнь стала окончательно непереносимой. Что же делать бедной Ано? Как накормить трех ребят? Подумав, она решает заныться проституцией. Затем, она забывает сифилисом и начинает беспрерывно молиться богу.

Изнасилованная красновтерпеидия Иурка встречается с женщиной, которая торгует шпротками на кошачьем мясе. Женщина открывает Иурке путь к богу. Она даже обещает сделать из Иурки ангела. Иурка идет на крестные мужж. Тогда кричит: «Четвертушки ее», но она, уверовав, что в римско-католического, него в автокефального бога, стойко идет на эшафот.

Тания конечно уже «страспушывает» к блещно крохотного существа в ее животе. У Тании рождается ребенок. Она зовет его «Мой дорогой серый крокодил». Это глубоко оздначивает «председателя губисполкома». (Очевидно Аля Рахманова не знает о кампания на развитие крокодиловства). Владимир спрашивает себя: почему крокодил? Он раскрывает учебные марксистской

психологии, но не находит ответа на роковой вопрос.

Тания встречает мужа радостным криком: «Сеня». Но Владимир не так-то просто становится честным католиком. Он говорит жене, что он сошелся с «честикой Мироновой»: «Я не буржуа и я ничего от тебя не скрываю». Тогда Тания подсовывает мужу биографию Симеона-праведника. Владимир узнает, что этот святой — был богат, а потом продал свое добро спиритам и вломам. Подобное сообщение оприличивает все его научные теории. Он спрашивает себя: может ли буржуа быть честным человеком? Книга рассказывает его сомнения: в ней с похвальбой точностью указано, что Симеон-праведник скончался 12 сентября 1642 г.

Несмотря на столь возвышенные размышления Владимир приговаривает себя, как загорелый революционер. Он требует, чтобы жена приготовила постель, так как в нем должна притти тень Миронова. Жена крепко стелит постель, оставляет Владимира с Мироновой, и наконец-то Владимир прозре

Рис. А. Радакова.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАРНАВАЛ

Слева направо — В. Иванов, А. Новиков-Прибой, А. Жаров, К. Чуковский, А. Фадеев, Л. Леонов, Ю. Олеся, М. Зощенко, В. Инбер, А. Безыменский, А. Толстой, С. Кирсанов

МЫ ЖИВЕМ В СТОЛИЦЕ

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Тридцать четыре года тому назад, в «Что делать?» Ленин писал о всемирном значении русской литературы. Русская литература, как и вообще литература народов СССР, не приобрела бы этого значения, не будь великих «спрещствеников» русской социал-демократии...

большую высоту, обеспечивает за ней идейно и культурно-ведущее место. Мечтая об искусстве будущего коммунистического общества, Маркс и Энгельс так характеризовали одну из решающих черт: «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существующих лишь для живописи».

Новая обстановка и вытекающие из нее новые задачи и критерии по-прежнему еще далеко не всеми писателями. Следы этого непонимания были особенно видны во время последней литературной дискуссии. Если советская литература есть мозг в сердце мировой литературы, то это значит, во-первых, что о советской литературе можно думать и говорить только с учетом всего зарубежного литературного опыта.

В августе-сентябре 1935 года рабочий шахты «Центральная-Приморья» Алексей Стаханов разрушил на практике представление о незыблемости производственно-технических норм. Благодаря на первом совещании рабочих и работников-стахановцев т. Стаханов сказал, что стахановское движение открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоречий между трудом умственным и трудом физическим.

Это значит, во-вторых, что советская литература вытекает как прямая наследница всех богатств мировой классической литературы. На съезде ВЛКСМ т. Косарев говорил о вредной пролетарской теории, согласно которой пролетарская литература является наследницей прежде всего неосознанной поэзии ранних рабочих поэтов, а не главных богатств классической литературы.

На наших глазах происходит широкая переоценка ценностей, создающих советской литературе. В уставе Союза советских писателей написано, что социалистический реализм есть метод правдивого отражения действительности в ее революционном развитии. Вот предельно-краткая и точная формула.

Такой мощный культурный подъем социалистического пролетариата и всего народа означает в том числе и его эстетический подъем. С величайшей горечью писал Ф. Меринг в 1899 г.: «Если окупалась буржуазия не может уже больше созидать великое искусство, то поднимавшийся рабочий класс еще не может создать великое искусство, хотя бы в глубинах его души жгло горячее стремление к искусству».

Социалистический народ — это бесконечное многообразие индивидуальных ностей. Но самое последнее время были распространены взгляды, утверждавшие стандартную и обесличенную литературу и изолированную от жизни и от искусства индивидуальность художника. Эту теорию во времена Пролеткульта с предельной ясностью выразил А. Гастев.

Не так давно — в серии «Всплывшие воды» — вышла очень интересная книга: «Пролетарские поэты, том I, 1895—1910». Замысел книги верен: тем, кто колебавшимся и революционно-распыленным поэтам, которые обычно считаются наиболее передовыми и которых многие историки литературы, по плохой традиции, называли родоначальниками пролетарской поэмы, — т. е. Ф. Шкудлеву, Борю Нецаеву и другим, — противопоставлена большевистская поэзия, кровно связанная с большевистским подпольем и большевистской прессой. С подлинно пролетарской, т. е. с большевистской поэзией 90-х годов XIX века и начала XX века связаны прежде всего имена Радина, Д. Лепешинского, Г. Крижановского, М. Горького, А. Богданова, и — чуть позже — А. Луначарского.

По мнению Гастева, проявления «механизированного коллективизма» настолько чудны персонально, настолько анонимны, что движение этих коллективно-комплексных приливов к движению вещей, в которых как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные нормализованные шаги, есть лица без экспрессии, душа, лишенная лирики, эмоция, измеряемая не кровью, не смехом, а манометром и тахометром. Так полагали некоторые теоретики. А народ кричит: нашу литературу за то, что в ней много стандарта, крохотных нормализованных шагов, таксомерических измерений — и мало индивидуального многообразия, мало эстетического, мало того богатства индивидуальных проявлений, которыми характеризуется социалистическая жизнь.

А. Дымшиц, например, думает, что шизоид Энгельс к Шкудлеву имеет лишь самое косвенное отношение к русской пролетарской поэзии. Между тем, стоит лишь вспомнить прозу Дымшица, статью о Шкудлеве и статью Энгельса, которая наводит своего читателя на мысли, утверждающие настоящие и обращенные в будущее.

Мы живем в столице. Значит, нам следует уходить самую непосредственную борьбу с остатками литературного провинциализма, с бескультурьем, с удручающей серйностью.

В наше стране принципиально исключена возможность разрыва между социалистическим художником и социалистическим народом. Нас могут спросить: не означает ли это утверждение эстетического отсталости, на художественные «предрассудки масс»? Ни в коей мере! Да, в многомиллионной читательской массе встречаются самые разнообразные группы и прослойки, — целая ратуша эстетических вкусов и эстетов, начиная от простейших требований, которые удовлетворяются серией «Нативное чтение», и кончая самыми кив-

лами, которые, подобно «Всплывшим горам Высокой», являются плодом коллективной работы многих рабочих авторов. Это — книги воспоминаний, обращенные в прошлое. Народное творчество, радеющее, не прерывающееся никогда. Но именно теперь оно становится особенно мощным, оно делается другим социалистическим. Жизнь стало лучше, жизнь стало веселее. И вот — народ создает свои песни, мотивы, утверждающие настоящие и обращенные в будущее.

Буржуазия и ее агенты стремятся отвести пролетариату роль прихлебателя у стола буржуазной культуры. Но для всего подхода пролетариата к искусству и культуре характерно прежде всего антино-творческое начало. Оно складывается уже в самом отборе культурного наследия. Во время одной из дискуссий у художников Илья Эренбург выдвинул предложение, что советский рабочий при виде непонятого ему произведения искусства не отворачивается от него, но говорит: «Я это еще не понял, я должен это понять». Представление Эренбурга о советском рабочем, не опознающем искусство, но стремящемся его понять, правильно только в одном, т. е. неправильно вообще.

Не потому Москва является мировой литературной столицей, что советские писатели в изобилии лаки образцы художественного гения, по которым учились бы писатели мира. Этого, к сожалению, еще нет. Но сам по себе тип советской литературы, ее место в социалистической культуре и в социалистической практике вообще, ее связи с социалистическим народом, — все это приподнимает ее на

ВЕЛИКАЯ ЭРА ИСКУССТВА

Письмо Ромэн Роллана тов. П. М. Керженцеву.

Дорогой тов. Керженцев!

Вот уже больше двух месяцев, как я собираюсь вам ответить на теплую дружескую телеграмму от 29 января, посланную вами от имени Комитета искусств и Радиокомитета СССР. Бесперывная работа не давала мне возможности ответить вам, но я не забыл о вас и, наконец, сегодня хочу вам сказать, как меня тронула та симпатия, которую вы мне высказали. Не сомневайтесь в моей братской преданности Советскому союзу, то, что я увидел победу СССР, создание нового мира, составляет радость моей старости (сердце мое молодо). Социальная активность, которая была пядью, должна была опередить искусство. Но она открыла для него новые пути, и теперь, как я надеюсь, мы увидим во всем искусстве, точно весеннее брожение соков, — расцвет молодых сил, сосредоточенных в поколение, рожденном Октябрьской революцией. На них я рассчитываю, и я жду. Я уверен, что наступит великая эра искусства, всемирного живого союза народов нашего Союза. Музыка и поэзия пойдут вперед. У вас они ведают готовым зорькам. И все остальное искусство не замедлит последовать за ними.

Я заранее приветствую прекрасное лето, которое я не увижу, но которое я предчувствую и которому я радуюсь. Дружески жму вашу руку, дорогой тов. Керженцев, и прошу вас передать всем товарищам из Комитета искусств и Радиокомитета мой братский привет.

РОМЭН РОЛЛАН

Вильгельм, апрель, 1936 г.

Первый прыжок

К далекому солнцу, В глубины высот Жужок из металла Вылетел самолет.

И вот на крыло, Блестя, чем снег, С мешком за плечами Взмошел человек.

С мешком за плечами (В нем сложенный шельк), Шатаясь от ветра, Мой сверстник взмошел.

Он встал на крыло, Оглянулся кругом, На землю сначала, На небо потом.

Взмахнувши руками — Не было! — В воздушное море Нырнул он с крыла.

В воздушное море Нырнул с корабля. И бросился сразу Настречку земля.

Все ближе и ближе... Секунды бегут. А вдруг не раскроется Парашют?

Обратно не влезешь, В конце концов. Он дернул, зажмурившись, За кольцо.

Как птица из клетки Вымывается шельк. И жизнь хороша И жить хорошо!

М. ПОМЕРАНЦ

Школьники 6-го класса, 13 лет

Вступление в жизнь

Речь, которую через день прочла в газетах вся страна.

Аня стала получать десятки писем со всех концов Советского союза — от Селенга, и до Зырянска, из Вологодской области и из школ, от комсомольцев и пионеров, от десерубов и моряков.

Она товарищу из Сибири прислала ей стихотворение — «Юдир», свободное его подзаголовком: «О себе».

В приложенном к стихотворению письме парень этот писал Ане: «Прочитав статью вашу, посмотрев на свою работу, мне стало стыдно, что я так мало и лениво работаю. Я никогда не знал вас, но ваша статья заставила меня многое продумать, и как будто вылила в себя энергию для новой работы. Только сейчас я понял, что многое упустило и многое не вернуешь...»

Миссия у Ани, правда, бешеная — «туда же быстрее, хотя и слова — образные, вздумные — бегут в ее голове достаточно быстро. И, вероятно, именно эта быстрота мысли, творческая жадность влетает Ане к смежной динамичности кокетству — к звуковой кинематографии. «Здесь я слово может проучить, как надо».

Все-таки, пишет ли Аня? Может быть. Она скромничает, не хочет говорить об этом. И она права: ей неважно слышать.

Зачем такой своей речью в Колонном зале Аня Мильке подготавливает «краткий отчет о своей жизни». Она только начала свое путешествие к дипломату, политэкономии и кинематографии — вот Аня возмужала, она научилась бы все эти предметы сразу.

Но особенно горячо она говорит о литературе, об искусстве слова.

«Одним из существующих слов не может быть, — утверждает она, — слово нам, в такой обстановке оно произнесено».

«Жизни охватывающей, все эти сестры небесные, которые приходят ей на ум по курсу истории русского литературного языка, возмущают ее меньше всего. А вот недавняя встреча с Ильяем Эренбургом ее возмущала. Илья — это Эренбург, например, считал, что «критик, чтобы помочь писателю, не должен был бы существовать, который бы обещал блюда в ресторане, не ухитрившись приготовить, ибо не был на кухне».

«Это, конечно, остроумно, но... неправильно. И в большинстве случаев, унылая, унылая, собираются стать критиками...»

«Писет ли Аня сама? — Нет, нет — говорит она торжественно, о улыбка. Но иной ответ угадывается за ее речью: — Вот вы говорите: писать! Вы знаете, — самый процесс писания очень нелегкий. Куда как быстрее мысль бегит. Вот если б стенографию научить...»

«Миссия у Ани, правда, бешеная — «туда же быстрее, хотя и слова — образные, вздумные — бегут в ее голове достаточно быстро. И, вероятно, именно эта быстрота мысли, творческая жадность влетает Ане к смежной динамичности кокетству — к звуковой кинематографии. «Здесь я слово может проучить, как надо».

«Все-таки, пишет ли Аня? Может быть. Она скромничает, не хочет говорить об этом. И она права: ей неважно слышать.»

Зачем такой своей речью в Колонном зале Аня Мильке подготавливает «краткий отчет о своей жизни». Она только начала свое путешествие к дипломату, политэкономии и кинематографии — вот Аня возмужала, она научилась бы все эти предметы сразу.

Но особенно горячо она говорит о литературе, об искусстве слова.

«Одним из существующих слов не может быть, — утверждает она, — слово нам, в такой обстановке оно произнесено».

«Жизни охватывающей, все эти сестры небесные, которые приходят ей на ум по курсу истории русского литературного языка, возмущают ее меньше всего. А вот недавняя встреча с Ильяем Эренбургом ее возмущала. Илья — это Эренбург, например, считал, что «критик, чтобы помочь писателю, не должен был бы существовать, который бы обещал блюда в ресторане, не ухитрившись приготовить, ибо не был на кухне».

«Это, конечно, остроумно, но... неправильно. И в большинстве случаев, унылая, унылая, собираются стать критиками...»

«Писет ли Аня сама? — Нет, нет — говорит она торжественно, о улыбка. Но иной ответ угадывается за ее речью: — Вот вы говорите: писать! Вы знаете, — самый процесс писания очень нелегкий. Куда как быстрее мысль бегит. Вот если б стенографию научить...»

«Миссия у Ани, правда, бешеная — «туда же быстрее, хотя и слова — образные, вздумные — бегут в ее голове достаточно быстро. И, вероятно, именно эта быстрота мысли, творческая жадность влетает Ане к смежной динамичности кокетству — к звуковой кинематографии. «Здесь я слово может проучить, как надо».

«Все-таки, пишет ли Аня? Может быть. Она скромничает, не хочет говорить об этом. И она права: ей неважно слышать.»

Зачем такой своей речью в Колонном зале Аня Мильке подготавливает «краткий отчет о своей жизни». Она только начала свое путешествие к дипломату, политэкономии и кинематографии — вот Аня возмужала, она научилась бы все эти предметы сразу.

Но особенно горячо она говорит о литературе, об искусстве слова.

«Одним из существующих слов не может быть, — утверждает она, — слово нам, в такой обстановке оно произнесено».

«Жизни охватывающей, все эти сестры небесные, которые приходят ей на ум по курсу истории русского литературного языка, возмущают ее меньше всего. А вот недавняя встреча с Ильяем Эренбургом ее возмущала. Илья — это Эренбург, например, считал, что «критик, чтобы помочь писателю, не должен был бы существовать, который бы обещал блюда в ресторане, не ухитрившись приготовить, ибо не был на кухне».

«Это, конечно, остроумно, но... неправильно. И в большинстве случаев, унылая, унылая, собираются стать критиками...»

«Писет ли Аня сама? — Нет, нет — говорит она торжественно, о улыбка. Но иной ответ угадывается за ее речью: — Вот вы говорите: писать! Вы знаете, — самый процесс писания очень нелегкий. Куда как быстрее мысль бегит. Вот если б стенографию научить...»

«Миссия у Ани, правда, бешеная — «туда же быстрее, хотя и слова — образные, вздумные — бегут в ее голове достаточно быстро. И, вероятно, именно эта быстрота мысли, творческая жадность влетает Ане к смежной динамичности кокетству — к звуковой кинематографии. «Здесь я слово может проучить, как надо».

«Все-таки, пишет ли Аня? Может быть. Она скромничает, не хочет говорить об этом. И она права: ей неважно слышать.»

Зачем такой своей речью в Колонном зале Аня Мильке подготавливает «краткий отчет о своей жизни». Она только начала свое путешествие к дипломату, политэкономии и кинематографии — вот Аня возмужала, она научилась бы все эти предметы сразу.

Но особенно горячо она говорит о литературе, об искусстве слова.

«Одним из существующих слов не может быть, — утверждает она, — слово нам, в такой обстановке оно произнесено».

«Жизни охватывающей, все эти сестры небесные, которые приходят ей на ум по курсу истории русского литературного языка, возмущают ее меньше всего. А вот недавняя встреча с Ильяем Эренбургом ее возмущала. Илья — это Эренбург, например, считал, что «критик, чтобы помочь писателю, не должен был бы существовать, который бы обещал блюда в ресторане, не ухитрившись приготовить, ибо не был на кухне».

«Это, конечно, остроумно, но... неправильно. И в большинстве случаев, унылая, унылая, собираются стать критиками...»

ГЕРОЕВ НА СЦЕНУ

О. ЛИТОВСКИЙ

Советский герой да советской спел! Это еще нет в том качестве, которое соответствовало бы нашим требованиям. В жизни он все еще ярче и значительнее, чем на сцене. Имя Стаханов, Мария Демченко, Герои-пограничники и летчики — на сцене по бытовому существу и мало чувствующие люди. В жизни Шмидт, Ушаков, Мария Демченко — на сцене проф. Оттон («Не слышишь?»), Кавалеридзе («Мэма — белая медведь»). Эти сценические герои так же относятся к своим жизненным прообразам, как бесстрастно статические фото к живописи. Впрочем, о Стахановцах у нас все еще нет песен. Любопытно, что московские драматурги, расквашившие на днях о тех, над которыми они работают к 20-й годовщине Октября, ни разу не упомянули о стахановцах.

Об ударились в свое время были десятки песен. Почему же нет песен о стахановцах? Это можно понять. В наше время повышенных требований и страстной критики нельзя показывать стахановцев так, как показывали наши драматурги в свое время ударились, т. е. в большинстве случаев по габаритам, овалам и материалам. Культурно выросший зритель не примет сейчас никакой фальши, никакой схем. Стахановцев, как и вообще героев нашей эпохи, нельзя писать понаслышке: необходимо глубокое изучение этих людей и их жизни. Наша действительность — ее герои для большинства наших драматургов все еще неведомая земля.

Рождение советского героя произошло в пьесе Вилья-Велорковского «Шторге». Герой этот, романтичный матрос-братиска, горячий революционер и самый «высокий» герой советской драматургии. Заключив свою сценическую жизнь в «Шторге», братиска перекочевал в «Любовь Яроуэву» Тренева, чтобы затем надолго утвердиться в пьесах Вилья-Велорковского. Кто этот герой? Это матрос, любовный и гордый революционер, любимый анархистствующий, но воплощенный в себе все наиболее героические черты революции. У Вилья-Велорковского он все же больше всего, чем исполнением какой-либо роли, у Тренева — это балласт, а не сущность, романтический простак, стихийно воспринимавший революцию, у Вилья-Велорковского — это героический образ, показанный в процессе становления. К образу «братиска» непосредственно примыкает глубоко возмущенный образ Васки Окорора из «Броуносада».

В «Любовь Яроуэву» мы встречаемся с другими советскими героями — комсомолом Кошкиным и Любовью Яроуэву. Образ комсомора Кошкина сделан в абстрактно-романтическом плане. Любовь — образ, удавшийся автору гораздо больше, несет в себе, однако, черты, в большей степени литературные.

Летовый пафос революции хотел изобразить в Андрее Вабичеве Олеся. Но пафос этот вместо делового получил деляческий. Колбаса и омары в голубых коробках заставляют перед Андреем Вабичевым революционные перспективы. Но искренне желание создать в Андрее Вабичеве («Безговор чувств») образ нового мира, своих чувств, своим стремлением мыслить противостоящего Кавалеридзе, не поддается сомнению.

В поисках героя в советской драматургии были счастливые случаи. К числу этих удач можно отнести образ Михаила в «Хлеб» Кирсанова. В сущности говоря, это был первый большевик на сцене. Черты большевистской непримиримости и преданности были уже в образе председателя укома в «Шторге». Но ему не хватало многогранного ума, гибкости и железного спокойствия при огромном внутреннем трепете, — черты, которые гармонически были представлены в Михайлове. Подлинную большевистскую правду принесла на сцену и старая Клара («Страх» Афиногенова). Она трогала правдивой искренностью своих волнений. Но полноту этого образа снижал некоторый сентиментализм, излишек доверия от чувств, а не от ума. Черты Михайлова и Клара послужили благородной основой для создания Берста в пьесе Корейтунка «Платон Кречет». При некоторой наивности приемом, которыми Берст нарисован, он пока еще наиболее полно олицетворяет образ передового человека-большевика, которому в одиночку меряют световые твердый характер и мягкость, суровость и товарищеская дружба.

В «Моем друге» Помолни едва ли не впервые появилась личность левых-коммуниста и организатора производства. Это был большой шаг вперед, по сравнению со Степаном из пологинской же «Поэмы о тополе». Степан в конце концов был советизированным вариантом левых-коммуниста. В нем было больше черт индивидуальных, чем социальных-пролетарских. Гай — лучше, понаее,

современнее. Но и он несет в себе мелкобуржуазную чертоватость. Он в конце концов над коллективом, а не первый в коллективе.

Пожалуй, больше всего на нашей сцене и у драматургов повезло героям Красной армии. Начиная от Чуфанова в «Мятеже» и Чапаева в «Чапаеве», была создана нашими драматургами, пожалуй, наиболее выразительная галерея героев Красной армии. Отдельные черты братиска и Чапаева воплощены в образе Гуляна («Бойцы» Ромашова). Но это вполне самостоятельный образ, отличный по своей жизненной правдивости. Милко из «Далекого Афиногенова» дополняет черты Гуляна в иных условиях и в иной обстановке. Этот образ значителен еще и потому, что ему предстоит разрешить в пьесе сложнейшую проблему. Он описан смело и со всей остротой. Милко так же уверен, как Гуляна, но вместе с тем более собран, более дисциплинированнее, более алчущий. Романтизм, свойственный образу Милко, с выключенной силой и патетикой вырост в Мотыльковом («Слава» Гусева). Пожалуй, это наиболее сильный, ценный персонаж из всех образов военных, созданных нашей драматургией. Но и ему мешает некоторая деловая ограниченность, что подменяет простоту. Поскольку мы говорим о «Славе», неслучайно по всем отношениям, нельзя не отметить образ матери. Автор попытается создать глубоко современную образ. И этот опыт оправдал себя, на наш взгляд, полностью.

Тема Милко Афиногенова была еще ранее затронута Вилья-Велорковским в образе Чапаева («Жизнь омаров»). Чапов, как и Милко, обречен, но проявляет удивительную жизнестойкость, оптимизм и активную сочувственную энергию. Впрочем, эти последние черты свойственны всем нашим советским сценическим героям в той или иной степени.

Не трудно заметить, что большинство сценических героев большевистских пьес, не было ни в чем беспримиримых героев, выходящих «беспримиримых» образов в советской драматургии? Пожалуй, нет. Но подавляющее их большинство, это образы интеллигентские, мучительно переживающиеся, душевные монолитной цельности и мироощущения.

Как мы видим, галерея советских образов не так уже мала (а мы не все перечислили). Но не все еще достаточно глубоко, недостаточно типичны. В каждом из этих образов можно заметить дополняющие друг друга отдельные типические черты нашего времени. Но эти черты суммируются разрозненно и разрозненно по персонажам, часто почти незаметными бликами.

Сценический герой не всегда совпадает с драматургическим. Если Шуклин совпадает в какой-то мере по своей форме и «содержанию» Милко, то Орлов типичнее возмущается над своей скукой и надуманной ролью. Как часто наши реальные актеры заполняют плотью и кровью штаны и схемы иных наших драматургов. И как еще чаще зритель своим воображением и знанием действительности восполняет и поднимает образы, созданные в драматургии, и актером. Разве не так произошло, например, с образом Громова в «Аристократах»?

Иногда страна, ни одна эстрада не имеет такого замечательного мастера, как наша, и этот мастер так легко лежит, тоскуя по руке воспитательного мастера.

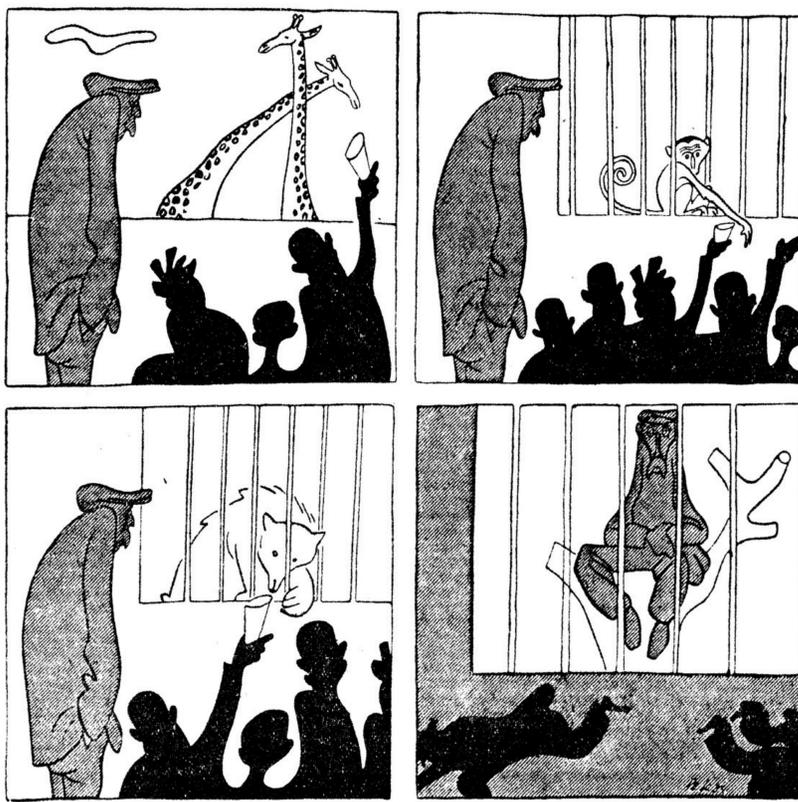

Рис. чехословацкого художника Пельца. «Безработный в зоопарке»

НУРИ-ДЖАН

Колхозная колыхальная песня

В мир явился ты весной, Сведливый Нури-Джан, Сердце ты открыл мое, Радость глаза, Нури-Джан.

После знойной тенистой Снова плыли и цветы, Мой цветок любимый ты, Соловей мой, Нури-Джан.

Твой отец за верей встает, Он в колхозе третий год, Оценил его народ, Он ударник, Нури-Джан.

Револutions ружей Свергнут старый бабский строй, Лыбятся быстро струей Наши воды, Нури-Джан.

Темен был у бая глаза, Скуден был мурлы расказ, — Новым буквам учат нас Наши школы, Нури-Джан.

Пробегит за годом год, Много книг Нури прочтет, И пойдут за ним народ, — Умыным будет Нури-Джан.

Перевод и обработка Г. И. КАРПОВА и И. ЛЕБЕДЕВА.

Записки от Байрамова в Гео. Тене (Сборник «Туркмения», выходящий в «Советском писателе»).

СБОРНИК ЛУЧШИХ РАССКАЗОВ

ИТОГИ КОНКУРСА ГОСЛИТ-ИЗДАТА.

Закончился конкурс Гослитиздата на лучший рассказ. 617 рукописей, со всех концов страны, прислали на конкурс начинающие авторы — рабочие, колхозники, инженеры, учащиеся средних школ и вузов, служащие и красноармейцы. Подавляющее большинство авторов — молодежь в возрасте от 14 до 25 лет.

О чем пишут, что отражают в своих рассказах молодые советские авторы? Нет, кажется, такой темы, которая так или иначе не была бы им затронута. Много рассказов о Красной армии, ее быте и учебе, о строительстве и культурном росте окрестных Советского союза и национальных республик. Но особенно много рассказов о новом отношении к человеку, о детях, о семье, о любви и ревности, об изживании чувства собственности т. е., о том, что мало или почти совсем не затрагивалось в произведениях, писавшихся на предыдущие конкурсы.

Нельзя упрекнуть участников конкурса в неинтересности, неактуальности, в неумении видеть жизнь страны. В большинстве своем вытиски им жизненные факты — новые, интересные, неожиданные.

Читаешь рассказ и поневоле видишь зоркости автора. Удивляешься, как это ты сам не заметил то, о чем пишет литературовец — возмущает одна из членов жюри.

Не все рассказы стилистически хорошо написаны. Но и в слабых рассказах видна ясность мысли, глубина замысла. Чувствуется, что недостаток знания, небольшая культура помешали автору создать хорошие, запоминающиеся рассказы.

Жюри конкурса очень строго подошло к отбору произведений. Из 617 рукописей оно отобрало для печати в сборнике, выпускаемом Гослитиздатом под редакцией Вс. Иванова, 17 рассказов. Девять участников конкурса премированы.

Несмотря на хорошее в общем качество отдельных рассказов, жюри конкурса все же нашло, что ни один из них не может быть удостоен первой премии.

Четыре вторых премии получили: Ратушный — за рассказ «Над Волгой», А. Левченко — «Подушки», Т. Озерман — «У синего озера» и Г. Леберетт — «Малая».

Пять третьих премий присудили: военноположающему Е. Колесникову — за рассказ «Комполка», А. Алинку — «Беслане смерти» и «Васка Исполнал» Егорову — «Вичья страсть» и «Счастье», И. Роговскому — «Полуденный герой» и Клейменову — «Разговор о судьбе».

В рассказах жюри рекомендовало к печати: «Ракета» — преподавателя Альберт, «Литя» — преподавателя Бабарова, «Малыш и Василь» — Боклова, а также рассказы: рабочего Колотрафа № 2 Ф. Каптерашка, Кауртчева и журналистки Н. Кальма.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИГООБМЕН СССР

С каждым годом укрепляется и ширится работа Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В 1935 г. ВОКС послал своим зарубежным корреспондентам 9183 книги, 572 статьи, 12.616 журналов, 26.810 листов. Наибольшее количество материалов выслано в Англию, Чехословакию и Америку.

Значительным разделом деятельности ВОКС является организационный им еще в 1924 году международный книгообмен, дающий возможность советским научным учреждениям и организациям получать иностранные материалы по различным отраслям знания. ВОКС получил уже из-за границы 1.256.968 экземпляров книг и журналов. Советские организации отправляли за границу 723.146 экземпляров.

Книгообмен установлен с 74 странами, 3828 иностранных корреспондентов обмениваются научными и другими материалами с советскими учреждениями. В числе иностранных корреспондентов: 96 академий, 1402 научно-исследовательских учреждения, 693 научных общества, 363 университета, 289 правительственных учреждений и библиотек, 136 музеев, 737 редакций научных журналов.

В этом году ВОКС отправил за границу, в порядке книгообмена, около 64 тысяч книг и получил свыше 137 тысяч книг. В международный книгообмен включилось 299 новых иностранных и 95 советских учреждений.

Особенно ценные издания ВОКС получил в 1935 году из Франции. Это серия книг по истории литературы в 90 томах («Ревю де литератор ком- паре»), 76 томов изданий славянского института в Париже и 17 томов истории искусств.

Библиотека Комгосза в Вашингтоне еще в 1935 году прислала ВОКС библиографическую картотеку, состоящую из 3 миллионов карточек и переданную Публичной библиотеке им. Ленина. 30 тысяч новых карточек получено в 1936 году.

Среди 1630 приезжавших в СССР в 1935 году иностранцев было 126 писателей и журналистов.

Результатом их посещения СССР явилось издание за границей в 1935 г. нескольких значительных книг, посвященных советской литературе и искусству.

Профессор Гарвардского университета Эрнест Симмонс пишет специальную книгу о литературном обмене. Две книги — Ч. Норриса Хуттона и Гарри Дана — выходят в США о советском театре. При содействии Общества культурной связи с СССР в Чехословакии выпущена серия брошюр в 16 названий по различным отраслям культуры СССР, в том числе брошюра Пинхека «Советская литература». ВОКС поддерживает связь с многочисленными зарубежными организациями культурного обмена с СССР — в Англии, Франции, Чехословакии, Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, Литве, Бельгии, Болгарии. Этими обществам были организованы в 1935 году десятки докладов о советской культуре.

В десяти странах мира в 1935 г. было устроено 24 выставки советской культуры и искусства, в том числе и выставки советских изданий и книжной графики.

ПРАГА—МОСКВА

БЕСЕДА С ХУДОЖНИКОМ А. ГОФМЕЙСТЕРОМ.

Группа чехословацких художников, входящих в пражский союз современных художников «Манес», во главе с профессором пражской Академии прикладного искусства, г. Пенчирга и чехословацким писателем и карикатуристом Адольфом Гофмейстером приехали в Москву для ознакомления с советским искусством.

— Мы приехали в Москву, — сказал нашему сотруднику Адольфу Гофмейстеру, — в горячие дни: столица СССР готовится к 1 мая. Оживление, парадные на улицах, красные флаги, плакаты и шитые, праздничные витрины говорят о том, что международный праздник труда в Советском Союзе встречает радостью и торжественно. Мы впервые увидели 1 мая в Москве, но мы заранее предвкушаем, что он будет грандиозным. У нас 1 мая также считается государственным праздником. У нас также в этот день появляются в городе красивые флаги, на улицах бывают манифестации. Но разве это может сравниться с тем, что мы знаем о первом мая в Москве. Парал на Красной площади, карнавал демонстраций, бесконечные ленты людей, двигающихся по улицам, — все это обещает быть очень торжественным и им в какой мере не смогли со скромным празднованием 1 мая за границей.

Вам, вероятно, известно, что интерес к Советскому союзу в Чехословакии очень большой и что он возрастает с каждым годом. В частности, интерес, который в свое время наши читатели проявляли к французской литературе, они перенесли теперь на советскую. Ваши писатели у нас хорошо известны. На чешском языке вышло два издания «Тихого Дона» М. Шолохова, роман А. Азбенко «Я люблю», «День второй» и «Не первая дышанка» И. Френшурга, «Человек из кожи» В. Ясенского. На днях должна появиться книга С. Третьякова «Ден-Шин-Хуа». Избранные стихи В. Пастернака переведены чешским поэтом И. Гора. «Охранная грамота» вышла в переводе Р. Якобсона.

Чешские театры, помимо «Оптимистической трагедии» Э. Виношечки и «Платона Кречета» А. Корнейчука, показывают инсценировку Шолоховской «Политой целины».

Пробовали вы не перевести Маяковского, интерес к которому очень велик, но переводы эти пока мало известны.

По предложению ВОКС, в этом году в Москве будет открыта большая выставка, на которой покажут свои работы лучшие современные чешские, словацкие и немецкие художники, входящие в союз «Манес». В свою очередь выставку советских художников предполагается устроить в Праге в 1937 г.

ВЫСТАВКА ЭДГАРА ШАИНА В ЭРИВАНИ

Госмузей в Эриване организовал выставку работ известного парижского офортиста, армянина Эдгара Шайна. На ней представлено 186 офортов, воспроизводящих жизнь Парижа. Эдгар Шайн — реалист. Его реализм — это живое, одухотворенное претворение наблюдаемого в художественные образы. В этом сила его искусства. Выставка его офортов в Эриване — дань признания большого мастеру и другу советской Армении.

Выставка в Центральном доме художественного воспитания детей. 41 мая. Рисунком Н. Немлюдова, 12 лет, ученик 6 кл.

После Ирино готовят к встрече первого мая. НА СНИМКЕ: отличники учебы средней школы Центральной Ирино — ученица 8 кл. Лида Кирота (справа) и ученица 7 кл. Тоня Мавлова в выходной день за работой по благоустройству клубного парка.

Творчество народа

Москва. Площадь Маяковского. Театр народного творчества. Ежедневно по этому адресу прибывают груды телеграмм и писем.

Иногда письма, полученные театром, трогательно наивны, иногда возмущенно ироничны, иногда по-деловому серьезные, но всегда они говорят о колоссальной тяге народа к искусству, о творческой энергии, ищущей точки приложения.

Колхозники, вузовцы, рабочие, красносельцы, учителя, служащие — все они либо в индивидуальном, либо в коллективном порядке обращаются с просьбой о помощи, о совете, делают предложения о видении в театре народного творчества программы, а то и впечатанными от рассказов об этом театре, дают указания, вносят поправки, делают предложения.

Все кровно заинтересованы в успехе и процветании Московского театра народного творчества как руководящего центра будущих таких же театров. Творческая энергия масс шлет выход. Но почему идея создания театров народного творчества оказалась почти все области СССР.

Горком союза строителей тяжелой промышленности на Сталинградском химкомбинате и ГРЭС им. Сталина обращается от имени 14 тысяч рабочих с просьбой о помощи: почти стихийно возникает драматическое, музыкальное и хоревое кружки на химкомбинате и на ГРЭС, но руководить этим движением некому. Как быть?

«Промис театр народного творчества» — это не просто название. Потрясающие в Великие Луках создают первую окружную олимпиаду самодеятельного искусства, в Кур-

ныки образцов народного творчества национальных меньшинств республики — татар, лезгин, талышей, армян. Собрано несколько тысяч легенд, песен, сказаний, пословиц, поговорок, агадов.

В сборники войдут неизвестные до сих пор варианты таких образцов народного эпоса, как «Кероглы» и «Рустам-Зал» — на татском и лезгинском языках, несколько новых легенд о Шамиле, много образцов современного революционного эпоса и сложных в народе песен о Ленине, Сталине, Ворошилове, Кирове.

В сборники войдут неизвестные до сих пор варианты таких образцов народного эпоса, как «Кероглы» и «Рустам-Зал» — на татском и лезгинском языках, несколько новых легенд о Шамиле, много образцов современного революционного эпоса и сложных в народе песен о Ленине, Сталине, Ворошилове, Кирове.

Всего Львов («Море») и Катман («Отличницы») оказываются наиболее стойкими хранителями традиций» открыто-самоной живописи конца XIX века.

В плен складной, салонной стайности попали не от той раз и подавшие совсем иные напевы Короткова и Кашина. Их картины выказывают протест тем более, что они посвящены серьезнейшим темам материальности и жизни понерского лагеря «Артема». Везде яркие краски, обильные цветы и прочие «очень красивые», по мнению авторов, подробности снимают важные и нужные темы. Выглядят недоуменно и жеманные портреты Лучинкина.

Но «гвоздем» этой категории картин является «Грушовой портрет» Машкова. Это монументальное произведение является весьма наивной, но неприкрытой аналогией мещанской пошлости. Три человека в вышивках, о неестественно напряженных лицах, в позах, избалованных провинциальными фотографами прошлого века, на вышитой розами дорожке и в окружении двух грациозных фигурок! Такие убогие, псевдокультурные «идеалы» могли быть в техных купцов, впервые приехавших в город. Тов. Машков думает, что ему повезло, будто эти люди могут делать революцию!

Если у Машкова — реакционно-мещанское изображение образов советских людей, то в «Мещане» Вильяма — откровенное любование мещанскими красками толстой особы неизвестного времени и места. То, что имело еще какое-то основания во времена Кустодиева, то не имеет никаких прав на существование в наше время.

Самым нежелательным явлением оказывается на этой выставке неопределенный «букет» салонных пейзажей. Здесь налицо изображение и извращение залат настоящего советского искусства.

А. ЧЕГОДАЕВ.

В поисках подарка

У КНИЖНЫХ ПРИЛАВКОВ.

Предпраздничные дни в Москве... Тысячи покупателей облепает пороги книжных магазинов в поисках хороших подарков.

В первом образцовом магазине Москва, например, НКПС заказал для шестидесяти орденносов-транс-портников библиотечки из десяти книг художественной литературы: «Отшельник» Атри Варбаса, «Духи Дюма» М. Шолохова, «Форма Гордеев» М. Горького, «Пустыня» А. Новикова-Прибоя, «Как закалалась сталь» Н. Островского, «Выли горы высокой» и др.

Особенно велик спрос на художественные сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, Маяковского, на «Войну и мир» Л. Толстого, «Дядю Григорья» Ромэн Роллана, произведения Горького. Полученные первым образцовым магазином пятсот экземпляров каждого названия разошлись очень быстро.

Котик и Мокша не учли, что в предпраздничные дни тысячи людей захотят приобрести хорошую книгу. Заложено до преддверия школьных выдвинули о родительских договорах о том, что за хорошие и отличные отметки они получают по или книгу. И вот теперь в поисках «Гулливера» Свифта, «Дон-Кихота», сказок бр. Гримм, Андерсена, последние издания народных русских сказок Лепкина, книги Пушкина, Жюль-Верна — ринут по книжным лавкам и млад и стар.

У книжных прилавков много покупателей. В надежде найти старую или интересно разнообразную книгу массовый читатель все чаще и чаще обращается в букинистические магазины.

Его не смущают ни яги, ни твердые знания. Конечно, он предпочитает детсадовского Андерсена, но довольствуется старым, чуть потрепанным изданием в выцветшем переплете.

Покупательная способность в этот год, по сравнению с прошлыми годами, необычайно возросла. Тем более странно, что книжные организации не учли вопросов колхозов и заводов. Они думали, очевидно, что общее предпраздничное оживление в торговле их не коснется.

Нужных, любимых нашим читателем книг к преддверию первого мая, в большинстве случаев, не оказалось на полках книжных магазинов.

Н. МИХАЙЛОВ.

МОСКОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПЕРВОМАЙСКИЕ ДНИ

Колонна московских писателей движется сегодня в 10 часов дня от Дома СПИ СССР в Красной площади, чтобы слиться с первомайской демонстрацией.

Она выдвигает писателей вступать на торжественных вечерах в клубы и на предприятия Москвы, а также перед микрорайонами радиопередателем.

Сегодня же на различных вечерах Москвы появятся и другие новые фильмы: «Родина зовет» — по сценарию В. Катаева, «Замечательный год» — документальный фильм о колхозниках. Советскими фильмами будут показаны диалогические фильмы: «Возьмем винтовку новее» — по текст Маяковского, «Парал Красной Армии» — текст Л. Массоли, «Марш» — текст С. Маршала и др.

Сегодня же на различных вечерах Москвы появятся и другие новые фильмы: «Родина зовет» — по сценарию В. Катаева, «Замечательный год» — документальный фильм о колхозниках. Советскими фильмами будут показаны диалогические фильмы: «Возьмем винтовку новее» — по текст Маяковского, «Парал Красной Армии» — текст Л. Массоли, «Марш» — текст С. Маршала и др.

Сегодня же на различных вечерах Москвы появятся и другие новые фильмы: «Родина зовет» — по сценарию В. Катаева, «Замечательный год» — документальный фильм о колхозниках. Советскими фильмами будут показаны диалогические фильмы: «Возьмем винтовку новее» — по текст Маяковского, «Парал Красной Армии» — текст Л. Массоли, «Марш» — текст С. Маршала и др.

ВЫСТАВКА И. РЕПИНА

Третьяковская галерея открывает 7 мая выставку, посвященную творчеству И. Репина. Это будет одна из крупнейших художественных выставок текущего года: она займет восемь больших зал, где будет выставлено около 900 картин и рисунков художника.

Часть экспонатов никогда не появлялась на московских выставках Репина. Некоторые картины вообще ни на каких выставках не экспонировались.

К открытию выставки будет выпущен специальный альбом репродукций Репина, которым будет предоплачена большая статья о его жизни и творчестве.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

Третьяковская галерея организует на крупнейшей московской предприятных докладах и лекциях, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

ВЫСТАВКА КОНТРАКТАНТОВ

От выставки картин художников, работавших по контракции, можно было ждать многого. Ведь эта выставка отборных работ, должно сказать, и дорого стоила. Но после внимательного просмотра с сожалением приходится убедиться, что большинство хороших произведений не было представлено. Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.

Наряду с советскими живописцами вообще не к лицу оживлению, то уже тем более не приходится притаться за какие-либо благоприятные домашние условия художника, вполне обеспеченным и мастерским и большим суммам, регулярно получаемыми в счет будущих картин.